

Военные
Приключения

СВОБОДНАЯ ОХОТА

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Военные приключения

Валерий Поволяев

Свободная охота (сборник)

«ВЕЧЕ»

Поволяев В. Д.

Свободная охота (сборник) / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ»,
— (Военные приключения)

Для каждого военнослужащего рано или поздно наступает свое «время Ч»... По пыльным афганским дорогам движется КамАЗ, везущий топливо. Но мирные, казалось бы, жители, попросившие подвезти их, оказываются душманами. Сумеют ли старший лейтенант Коренев и его друзья избежать плена? У моджахедов появилось новое оружие, от которого не могут уйти наши вертолеты и самолеты. Кто и за что получит высокую награду – Звезду Героя Советского Союза? Новые произведения известного мастера отечественной остросюжетной литературы.

© Поволяев В. Д.

© ВЕЧЕ

Содержание

Живи, пока живется	5
Свободная охота	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Поволяев

Свободная охота

Живи, пока живется

Над дорогой поднимались красные фонтанчики пыли – их взбивал приносившийся со стороны гор ветер, ветер исчезал, а фонтанчики ещё долго висели над землей, рождая ощущение какой-то странной неприкаянности, тревоги, окаянности, что ли – как у Бунина, – и тоски.

Тоски по прошлому, по тому, что сверстники в это время ходят на танцы с юными барышнями на земле, где нет войны, едят мороженое и из хрустальных фужеров пьют шампанское, посещают кино и институт, спорят, ссорятся, ухлёстывают за нашими девчонками и наши девочки поддаются им – ведь мало кто из них предан нам, мало кто верит, что, когда мы вернёмся из Афганистана, жизнь будет именно такой, какой мы её видим. Это рождает в каждом из нас острое чувство зависти, рождает бессилие и ненависть – за что же всё-таки мы ломаемся здесь, за что убивают наших ребят и чем убитые хуже тех, кто остался дома, катается там, как сыр в масле, кто сыт и обут, ухожен и обласкан, и потихоньку ругает нас за то, что мы проливаем чужую кровь?

Но это только сейчас ругают потихоньку, а придет время – и молодые люди, оставшиеся дома, заговорят в полный голос, обвинят нас в афганской войне, предадут анафеме – старший лейтенант Коренев всем своим естеством, мышцами, кровью, мозгом, худыми, острыми рыбьими плавниками-лопатками, стремящимися прорвать истончившуюся ткань десантной куртки, чувствовал, что так оно и будет.

Хотелось воспротивиться всему этому, очутиться на Большой земле, дома, встретить какого-нибудь папиного сынка, ухоженного и счастливого, и набить ему морду. Просто так, ни за что, ради любопытства, чтобы узнать, какая кровь потечёт из его расплющенного носа, красная или голубая, как выглядят глаза иного ходока за девчонками, когда они, испуганные, вылезают из орбит, таращатся...

В общем, очень хотелось минут на десять-пятнадцать очутиться дома,дохнуть свежего воздуха, посмотреть, что там происходит, поцеловать мать и отца, обнять братишку, у которого уже подходит призывной возраст, и он, наверное, тоже загремит в Афганистан, поплакать чуть, облегчить душу – и тогда можно назад, сюда, под этот чёртов Баграм, про который даже песни толковой, и то не сложено.

Усталые от долгого сидения ноги свело, хребет прогнулся кривой дугой, крестец скоро вдавится в грудную клетку; Коренев вздохнул, покосился на водителя Соломина, у которого ладони от баранки КамАЗа стали деревянными – после каждого рейса он ножом срезает с них мозоли, отщёлкивает, словно пуговицы от пальто. Руки Соломина тяжело лежали на круге руля.

– Устал, Игорь? – спросил Коренев.

– Есть малость!

– Поговорить с тобой не надо? Не заснешь?

– Пока нет, – сказал Соломин.

– Осталось немного... О чём думаешь?

– Да о том же, что и вы, товарищ старший лейтенант, – Соломин устало улыбнулся.

Удивился Коренев: как так, неужели рядовой Соломин способен читать чужие мысли, словно джинн-провидец, вымахнувший из бутылки с одним желанием делать что-нибудь хорошее: учить детишек английскому языку, пасти овец, ремонтировать автомобили, играть в догонялки, переводить через улицу старушек – что прикажут, то и будет делать.

– О чём же таком я думал, Игорь?

– О том, почему одни попадают в Афган, а другие нет – отчего такой расклад складывается?

– Верно, – немного помедлив – интересно было, как всё-таки Соломин угадал, – Коренев наклонил голову. – Формула, старик, простая. Я как-то разговорился с одним новобранцем, только что прибывшим с родины, спросил у него, почему он угодил в Афганистан? Знаешь, что он мне ответил? Денег, сказал, не хватило. У отца не хватило денег, чтобы откупиться. Было бы побольше тугриков – служил бы где-нибудь в Дарнице либо в прохладных лесах Подмоскovie, – а не хватило мани-мани – и загудел к нам.

– И неведомо никому, будет ли жив? – сказал водитель.

– Все мы ходим под Богом, – Коренев убрал из-под ног автомат, пошевелил затекшими в ботинках пальцами, посмотрел назад, за спинку сидения, где, вытянувшись во весь рост на мягком длинном ложе, спал Соломинский сменщик Дроздов. «Сурок! Спит, как сурок», – отметил старший лейтенант.

– Дорога укачивает, сны смотреть хорошо, – сказал Соломин. – А мне знаете кого жалко? наших девчонок. – нас поубивает – нам не страшно, нас уже не будет, – Соломин говорил правду, он едва шевелил ртом от усталости, щурил красные глаза, крутил гудящими руками руль, – а баранка КамАЗа – это не «жигулёвский» штурвальчик, который можно вращать одним пальцем, это труд, это пот на спине, это стиснутая напряжением грудь и немеющие ноги. – А девчонки будут ждать. Девчонки всегда долго ждут. Их лапают, мнут нечистыми руками разные... – Соломин недоговорил, кого он имел в виду под словом «разные», но и без этого было понятно, – а они ждут...

Впереди показался крутой поворот с огромным могильным камнем, на котором неизвестный мастер выбил зубилом торжественные горькие слова, за поворотом, метрах в ста от камня стояли два сорбоза – афганских солдата. Оба с автоматами Калашникова – как на посту.

Резко сбавив ход, чтобы не вылететь на запыленную, с мятой охристой травой обочину, Соломин переключил скорость, услышал, как Дроздов громко стукнулся головой о железную стенку кабины, но не проснулся. Соломин поморщился – словно бы сам врезался котелком в железо, потёр ушибленный затылок – показалось, что он ушиб именно затылок, спросил:

– Чего надо зелёным?

– Да подвести! – сказал Коренев, думая о чём-то своём. На душе было беспокойно, очень хотелось домой – хотя бы на денёк, хотя бы на час, хотя бы на десять минут, – чернявое, с выгоревшими бровями и почти бесцветными усами лицо его обвяло, сделалось унылым, далёким, глаза потухли, на длинном, словно бы расщепленном ложбинкой, носу застыл пот. – Подвести, больше ничего они не хотят.

Игорь Соломин со второй скорости перешёл на третью.

Они везли соларку в свой батальон – отдельный, танковый, краснознамённый и прочая, прочая, прочая, что составляет военную тайну и о чём нельзя говорить, а если скажешь – всё равно не пропустит военная цензура. Вначале шли большой колонной по трассе через Саланг, потом малой колонной откололись и ушли на Баграм, здесь, в Баграме разъехались по своим углам, кто куда – большая часть наливников пошла на аэродром, к авиаторам, две машины – в медсанбат, здешнему госпиталю тоже нужно было горючее, одна машина ушла к связистам, одна в «спецназ», одна, где находились Коренев, Соломин и Дроздов – к танкистам.

Через десять минут, когда они въедут на свою территорию, обнесённую колючей проволокой, можно будет свободно вздохнуть. А пока под колёса с тихим хрустом уходила дорога – здешняя пыль хрустит, как крахмал – музыкальная, скрипучая.

– Вы знаете, товарищ старший лейтенант, я иногда провожу параллель между нами и теми, кто воевал в прошлую... в Великую Отечественную...

– И что же?

– Им было легче, чем нам – страна была в опасности, так, кажется, писали газеты... Страну надо было защищать, на это дело поднялись все.

– Молодец, Игорь, как по учебнику истории шпаришь!

– И всё делили поровну – и грехи, и боль, и смерть, и жизнь – одинаково доставалось всем. А здесь? Находимся на чужой территории, что делается дома – не знаем, воюем неизвестно за что – здесь всё, товарищ лейтенант, чужое, – Соломин по-мальчишески жалобно вздохнул, он был совсем ещё мальчишкой, как и многие наши ребята в Афганистане, – незрелым, пунцово-щёким, пахнущим домашним теплом и молоком, и в ту же пору – много старше своих ровесников – по сравнению с ними он уже был стариком, девятнадцатилетний Соломин, – угловатый, не утративший парнишеской неуклюжести движений – таким бывает воронёнок, когда учится летать; собственно, Коренев тоже недалеко ушел от Соломина, он был ненамного старше, двадцать три года, этот жизненный срок – не самый крайний, но старший лейтенант ощущал себя уже настоящим стариком, глубоким. – Всё здесь чужое, – пожаловался водитель, – всё!

– Наши люди – тоже чужие. Взять, к примеру, посольских, или разных советников – дай бог, чтобы один из десяти был близок к нам, – подтвердил Коренев.

– Как вы думаете, те солдаты, старые, что с Отечественной, нас примут?

– Не знаю!

– А я, товарищ старший лейтенант, думаю, что не примут – мы для них чужие. Мы для всех будем чужие, помяните моё слово. Давайте встретимся лет через пять и проверим – чужие будем или нет? Всего через пять лет!

– Если будем живы! Плюнь через левое плечо! – Коренев суеверно поплевал через плечо, то же самое сделал и водитель.

– Ну в общем, если будем живы и встретимся, товарищ старший лейтенант, с вас шампанское. К той поре вы уже будете майором.

– А может, с тебя шампанское, Игорь. Никто не знает, кто из нас будет прав. Столкновение со стариками возможно лишь, когда нас наделят одним и тем же – их и нас. Нам ведь тоже стали выдавать удостоверения участников войны – значит, нас уравниют. А это – вилка!

– Вилка в бок! Ну что, подвезём зелёных, товарищ старший лейтенант? Уж больно вид у них сиротский! Квелье ребята.

– Ладно, чёрт с ними! Давай!

– А ведь не положено, товарищ старший лейтенант!

– Мало ли что в нашей жизни не положено!

Сорбозы дружно подняли руки – оба! И оба радостно засияли чистыми крупными зубами.

– Улыбки сорок на пятьдесят, размер в метрах, – сказал Соломин и притормозил. КамАЗ накрыло плотной пылью – ничего не стало видно. Как в тумане. – Ох, сорбозы, – закашлялся водитель, – нет бы попроситься в машину на асфальте!

Старший лейтенант потеснился, освобождая место в широкой кабине, сорбозы дружно придвинулись к нему и, готовно улыбаясь, покивали:

– Ташакор, ташакор! – Спасибо, значит. Два раза спасибо. Лица у сорбозов были ясные, лучащиеся, как будто идеи Саурской революции окончательно победили не только в Афганистане, но и в Пакистане, в Индии и в Иране с Ираком.

Коренев сказал им на дари – чистом, без единой фальшивой нотки, очень чётком языке, самом распространенном в Афганистане, чтобы сорбозы располагались повольнее, чувствовали себя, как дома.

Те снова дружно поблагодарили, прижав руки к сердцам и вытянулись в ожидании, будто статуи. Соломин разгрёб перед собою воздух рукою, разгоняя пыль.

– Пф-ф-ф-ф!

Сорбозы заговорили, будто по команде, в один голос, зажестикнули руками, пальцами, словно музыканты – казалось, что они пробуют воздух на ощупь, мнут его, потом так же разом смолкли.

– Чего это они, товарищ старший лейтенант?

– Извиняются. Говорят, что в пыли они виноваты, если бы мы не остановились, пыль нас не догнала бы.

– Понятно, – Соломин включил первую скорость, но трогать с места не стал – в пыли всё равно ни черта не видно, она была мельче цемента и легче воздуха, могла висеть, сколько угодно, усталый Соломин, поёрзав на сидении, проговорил недовольно: – И дома нас не примут, и тут не поймут... Кругом мы, товарищ старший лейтенант, в проигрыше.

– Говорят, мы потихоньку будем выбираться из Афганистана. Частями.

– Давно пора! Сколько ребят положили. А во имя чего? – Соломин не боялся старшего лейтенанта, говорил, что думает: старший лейтенант был человеком его круга, так же хлебал пыль, так же дежурил, так же жарился и мёрзнул – если бы Коренев был стукачом, прихлебателем или чьим-нибудь сыном, его бы давно перевели с беспокойной опасной службы куда-нибудь в тихое место, в штабной модуль, охраняемый боевыми машинами пехоты и крупнокалиберными пулемётами. – Интересно, сообщат когда-нибудь цифру погибших?

– Наверное, нет.

– Жаль, – Игорь снова перевёл скорость в нейтральное положение: пыль не оседала, висела, как туман. – Минутку подождём. А куда зелёные едут, что сказали? Где их высаживать?

– По пути, двести метров не доезжая наших ворот, у афганского капепе.

– Понятно! Интересно, ответит ли кто-нибудь за нашу войну? Когда-нибудь? А?

– Вряд ли! У нас, во всяком случае. А в Афганистане, в партии афганской друг друга будут винить разные крылья: вы, дескать, виноваты! Тут, в партии здешней, – две партии сразу и ещё одна подпартия. Одна партия – парчам, в переводе – знамя, в неё входят интеллигенты, разный образованный люд, это очень сильное крыло, Борис Карлович его раньше возглавлял, – Борисом Карловичем старший лейтенант называл Бабрака Кармаля, так Кармаля звал весь советский Афганистан, под таким именем он проник даже к нам, – другая партия – хальк. Хальк – это народ. Партия простых людей, разных военных, кооператоров, землепашцев, таксистов – хальк побольше парчама, но сил у него поменьше. И есть ещё подпартия – третье крыло.

– Хорошо живут мужики, весело! – хмыкнул Игорь и тихонько тронул тяжёлую машину с места – чуть развиднелось, в двух шагах стало видно, хотя в трёх ещё нет – мучнистая пыль висела густо, не продохнуть. Громкий крахмальный хруст раздался под шинами. Игорь не удержался от замечания: – Вкусно едем!

– И самое интересное – это наши люди в афганской партии, наши, так сказать, советники. Мушаверы. Если наш человек работает советником у халькиста, то он сам становится халькистом, если у парчамиста, то он – парчамист.

– А встречаясь друг с другом, спорят до кулаков?

– Естественно: наши халькисты с нашими парчамистами не чикаются. Вот так и делают чужие идеалы.

– И нашу кровушку.

– Перебор, Игорь. Как в игре в карты.

– Извините, товарищ старший лейтенант!

– Если бы не наши ребята, тут партийцы перерезали бы друг друга, перестреляли – никакой революции не было бы.

Что-то твёрдое ткнулось в бок переводчика, он, приподняв руку, посмотрел, увидел ствол автомата – сорбоз держал свой «калашников» на коленях, ствол пристроил у Коренева под

рёбрами. Сидел сорбоз ровно, будто статуя, глядел прямо перед собой, стараясь рассмотреть, что там в пыли на дороге?

– Не шевелись, парень, – тихо произнёс сорбоз на дари.

Коренев услышал, как у него ошеломлённо гулко забилося сердце, за ушами проступил противный горячий пот и старший лейтенант тускло спросил:

– Что?

– Я же тебе сказал... Иначе перережу автоматной очередью, – бесцветно произнёс сорбоз, неотрывно глядя на дорогу, в пыль – глаза его были сжаты в узкие опасные щёлочки, словно он приготовился стрелять. Вот тебе и «зелёный»! «Зелёный» потому вглядывался в пыль, что боялся танков – вдруг железная ободранная громадина покажется в пылевом облаке – шофёру ничего не стоит мигнуть танку и тогда сорбозам не уйти!

Но и шурави-русским тоже легче не будет. Они втроем останутся лежать в этой машине. Плюс двое афганцев. Пятеро в одной братской могиле.

Старший лейтенант посмотрел на свой автомат, лежавший в ногах – побитый, с вмятинами на деревянном ложе – когда-то оно было лакированным, – лишённый привычного оружейного воронения, с поблескивающими вытертостями и мягким, почти сносившимся ремнём – во многих передрыгах побывал «калашников», много раз выручал своих хозяев, а вот теперь выручить не может – не хватает каких-то малых долей времени, сотых частей секунды, чтобы схватить «калашников» и выстрелить: прежде чем Коренев сделает это, он будет мёртв.

Сейчас верный «калашников» значил не больше, чем обычная железка. Коренев смотрел на автомат и не мог оторвать взгляд – вот он, у самой ноги находится, стволом приткнулся к колену, но как взять его? Кореневу показалось, что у него немеет лицо, деревянеет рот, сводит губы.

Он покусал губы зубами – чувствуют ли губы боль? Нет, боли они не чувствовали. Коренев с трудом оторвал взгляд от автомата, посмотрел вперёд, на дорогу.

Пыль уже рассеялась совсем, отползла назад. Игорь вёл КамАЗ тихо, не газовал – он знал эту дорогу, как пол в своей палатке, был знаком с каждой ямкой и продавлиной, оставленными стальными траками, и вёл свою машину, как иной шкипер ведёт океанскую посудину между коралловыми и вулканическими рифами – словно бы пальцами ощупывая дно, чтобы не было ни одного зацепа.

Трава на обочине махрилась от пыли, стебли были толстыми, куржавыми – это и не трава была вовсе, а плотные диковинные растения какой-то экзотической африканской державы, вполне способные занять место в гербе и флаге страны. Старший лейтенант покусал губы – лезет в голову всякая мелочь! Поскорее бы избавиться от неё, напрячься, «сгруппироваться», как говорят спортсмены, стать самим собою, вышибить сорбозов из кабины.

Страха не было. Было другое – ощущение какой-то странной пустоты, вялости, неверия в то, что происходит. Ну, словно бы свет потух в старшем лейтенанте и он погрузился в темноту, в сон. Во сне могут случаться разные неприятные вещи, иногда очень даже странные и неприятные, как эта.

– Что там «зелёные» гуторят? – спросил Соломин. – Говорят что-нибудь о победе своего оружия?

– Нет, – едва слышно отозвался Коренев. – Мы в беду попали, понял? Это не «зелёные», это душманы.

Руль в руках Соломина крутанулся сам по себе, послушная машина, вильнув, съехала с проторенной в земле колеи, мотор заревел. Если бы Соломин шёл в колонне, обязательно получил бы взбучку от старшего, и перед следующим рейсом командир много раз бы подумал, посылать такого шофёра в дорогу или нет. Саперы, которые имеются в каждой колонне, отвечают только за след, за саму колею – они её прощупывают, как пуховую перину, каждый малый сантиметрик пробуют пальцами, чуть ли не зубами выдирают из земли всякое железо, и тем

более железо, способное взорваться, просматривают планету чуть ли не до пупка и отвечают за неё собственными кудрями – отвечают за колею, за то, что в ней нет мин, поэтому всякое, даже на несколько сантиметров отклонение в сторону – уже на совести шоферов. Там могут быть мины.

Ни Игорь, ни старший лейтенант не обратили внимания на рыскающее движение машины, только Коренев ощутил, как автоматный ствол с силой подsunулся ему под рёбра – душман поддел его, как крюком, ткнул торчком ствола в тело шурави – от этого жёсткого тычка Коренев чуть не задохнулся.

– Так-так, – потрясённо пробормотал водитель. – Что же делать? Коренев молчал.

– А, товарищ старший лейтенант?

– Я скъязю, чъто делат, – неожиданно на плохом русском языке проговорил душман и ослабил нажим автоматного ствола.

Старший лейтенант осторожно скосил глаза. Душман был молод, на худых острых скулах чернъявились редкие юношеские волосики – незрелая поросль, баки, глаза у него были глубокие, маслянистые, без зрачков – всё слито в одно пятно, усы над узкой верхней губой – несерьезные, такие же, как у Коренева, усики реденькие, мальчишеские, которые может носить только усатая тётка, подбородок острый, вытянутый, тщательно выскобленный. – Мьеньше скорост! – приказал он.

Водитель не среагировал на приказание душмана – кусал губы и лихорадочно соображал, что делать. Так же лихорадочно соображал и Коренев, ощущая беспорядочно громкое биение своего сердца – всё, оказывается, впустую, вся жизнь, раз старший лейтенант так бездарно вляпался.

– Ну! – произнёс душман требовательно, но голоса своего не повысил, торчок автоматного ствола снова больно вжался Кореневу под рёбра.

– Сбавь скорост, Игорь, – сказал Коренев.

Водитель зажато вздохнул, притормозил. Сквозь прокоптелую коричневость кожи – здешнее солнце так кожу дубит без всяких красителей, что она становится хромовой, жёсткой и, как сапожный хром, чёрной.

– Через пьятдэсят мьетров – направо! – скомандовал душман, улыбнулся. Зубы у него были идеальные, хоть сейчас на выставку, пропагандирующую вкусную здоровую пищу – чистые, ровные, без единого пятнышка порчи и никотиновой желтизны – этикие ухоженные зубы местного аристократа.

– Через пьятдэсят метров – направо, – повторил приказ Коренев.

– Что будем делат, товарищ старший лейтенант? – убитым шёпотом спросил Соломин и, приподняв бровь, скосил один глаз на Коренева. Старший лейтенант видел только один глаз Соломина – усталый, бурый, с лопнувшим в белке сосудом – кровь разлилась понизу, застыла – глаз выглядел подбито, как у разбойника, вернувшегося домой с неудачного промысла.

– Я же скъязал, чъто дьелат, – молодой душман повысил голос. Голос у него сразу сделался резким, некрасивым, вороньим, потому этот человек и говорил тихо, спокойно, – если ньет, то бьудет пуля!

Бездарно, полорото, по-дурацки нелепо они вляпались в эту историю – хуже плена ничего нет. Лучше суд, лучше тюрьма, лучше жизнь без одной ноги или без одной руки, но дома. А плен... Плен – это плен. Для того, чтобы рассказать о плене в душманской тюрьме где-нибудь под Пешаваром, у иного, даже талантливого летописца, слов не хватит. Как, наверное, не хватит слов для молитвы, для жалобы, для коротенького прощального послания матери: что ни напиши – всё будет не то.

Коренев ощутил слёзные спазмы, борясь с ними, стиснул зубы, в затылке возникла боль – и ладно бы только в затылке! С него сейчас сдирали мясо, – живьем, обнажая кости, это мясо уже никогда не нарастёт, хотя нарасти оно может только у живого человека – да, необходимо

маленькое условие: чтобы человек остался живым, а Коренев вряд ли останется, ему уготована яма. Его бросят, ухватив за ноги, за руки, в яму, и как бездомного, безродного, заруют – накидают лопатами земли и не оставят никакой метки.

Он видел ребят, что иногда возвращались, – если быть точнее, их возвращали, – из плена. Дежурному по КПП одной из частей шустрый пацанёнок приволок записку – потребовал за неё шоколадку. «Чокола-та!» – сказал он и выразительно пощёлкал пальцами.

Дежурный шуганул его, паренёк нехотя удалился. Уходя, оглядывался, недобро сиял чёрными цыганскими глазищами и сплевывал через плечо жёлтую от жвачки слюну. Дежурный развернул записку, скреплённую прозрачной липкой полоской скотч-клея, текст был написан по-русски: «Заберите возле дукана Ибрагим-аки ваше имущество в мешке».

К дукану послали «уазик» с четырьмя десантниками. Около дукана, который оказался закрыт – почтенный Ибрагим-ака уже две недели не вставал с постели, – лежал мешок, завязанный яркой синтетической веревкой. Обычный, сшитый из грубой ткани-рогожки мешок, с тусклой, плохо пропечатанной на боку надписью пакистанской фирмы, производящей сельскохозяйственные удобрения.

Ножом срезали завязку мешка, распахнули горло – в мешке оказался человек. Пропавший две недели назад солдат с исторической фамилией Бородин – парень беззлобный, спокойный, созданный совсем не для войны – для других надобностей, у Бородина были способности к кухне, к уборке, к еде, к тетешканью маленьких детей, но никак не к войне. Угодил он в плен случайно – отошёл от палаток по малой нужде, по природной стыдливости сделал десяток шагов больше положенного и угодил точно в руки людей, следивших за крохотным военным городком.

Вернули Бородина в мешке, пахнувшем дурной химией и был это уже не человек, а обрубок с едва теплящейся в нём жизнью – солдату отрубили ноги по самый пах, заодно отчекрив то, что называется мужским достоинством, по плечи сняли руки и отрезали половину языка – беспамятный Бородин задыхался, рот его был полон осклизлых кровавых сгустков.

Есть у душманов мастера, которые ловко сдирают кожу с живого человека – чулком через голову, есть умельцы, работающие по настроению – вдохновенно выкалывающие глаза, щипчиками выдирающие ногти, пропускающие сквозь живого человека длинный бамбуковый стебель – через заднюю дырку насквозь до рта, и человек ещё некоторое время живёт, дышит, мучается, хрипит на этой спице, а душманы сидят рядом у уютного костерка, мирно беседуют и с удовольствием потягивают из пиал чай.

У старшего лейтенанта потемнело в глазах, он снова глянул на автомат: может, кинуться к «калашникову» и получить свою пулю от ухоженного душка – и никаких тогда мучений? Но он может решать только за себя, может распоряжаться лишь своей жизнью – если она ему не нужна, значит, без жалости может расстаться с нею... «Не нужна...» У Коренева от этой мысли в глотке глухо забрякал свинец, плохо прокатанная скрипучая дробь противно застучала – звук был мягким, болезненным, скулы погорячели, сквозь густую коричневую кожи проступили землистые пятна, – как это так – не нужна?

Но если он всё-таки может распоряжаться своей жизнью – волен, так сказать, право имеет, то распоряжаться жизнью ребят не может. Это всё равно, что казнить человека, пробить ему черепушку пулей помимо его воли.

– Поворачиваем! – напомнил душман, не глядя на водителя – он по-прежнему смотрел на дорогу, но фиксировал каждое движение русских и, как бы по-звериному быстрым ни оказывался Коренев, душман всё равно опережал его. У Коренева не хватало одного несчастного мига – сотой доли секунды, и душман знал это.

– Поворачивай, – тихо сказал водителю Коренев и тот послушно завалил руль набок.

– Молодлец! – похвалил душман.

«Плакала наша солярочка, – подумал Коренев тоскливо, – остановятся танки... Что делать? Ну что же делать?» – мысль поспешно перескакивала с одного на другое, металась, словно птица среди веток, задевала за сучья, но застревать не застревала нигде, Коренев не мог найти выхода, стискивал зубы, стискивал пальцы, старался думать за двоих, за троих, но какой от этого толк, что он думает за двоих, за троих?

Суматоха, творившаяся у него внутри, поспешила проявиться и внешне, возникла и на лице – у Коренева обиженно затряслись губы, задрожал подбородок, задрожали щёки, глаза подернулись туманом – всё перед ним немощно запрыгало – и мир оказался немощным, и сам он, и сидевший за рулём Соломин, и спящий бутуз Дроздов, и вся его прежняя жизнь.

Душман перешёл на дари.

– Ты где так хорошо научился говорить? – спросил он. – Очень чисто, правильно говоришь.

– Так... пришлось. Научился, – нехотя ответил Коренев.

Острый подбородок душмана язвительно выпятился, не отрывая рук от «калашникова»; он потёрся щекою о плечо, усмехнулся и звонко поцокал языком.

– Военная тайна, значит? Не хочешь отвечать?

– В институте восточных языков, – сказал Коренев.

– То-то, – удовлетворённо кивнул душман. – Язык у тебя вполне литературный.

«Литературный, – невольно подумал Коренев, – знал бы ты, сколько я корпел над ним! И что скажешь ты, если я сообщу, что знаю и пушту?» – Коренев потрогал кончиком языка острую выщербину в зубах – вынесло случайным толчком, а подпилить, скруглить, убрать вострину не хватает времени – эти дела Коренев хотел оставить до дома, до Большой земли, до врачей настоящих, стационарных, не полевых, которые мастаки по ранам – и большие, надо заметить, мастаки, палец могут пришить к носу, срastить оторванную ногу, через край притачать нитками срезанную башку – правда, без всякой гарантии, что мозги не окажутся перевёрнутыми, но совсем не годятся для такой тонкой работы, – ощутил во рту солёный привкус и зажато вздохнул. – А душман-то – из интеллигентных, знает, что такое литературный язык, а что такое – бытовой... Не слишком ли?» Коренев снова покосился на автомат, душман перехватил его взгляд и, ухмыльнувшись, привычно выставил острый подбородок:

– Напрасно!

– А ты откуда знаешь русский язык? – неожиданно спросил Коренев.

– Вообще-то вопросы задаю я, но раз ты спрашиваешь – отвечу, душман снова подцепил концом автоматного ствола рёбра Коренева.

– Больно?

– Больно, – признался Коренев, покосился в другую сторону, он хотел увидеть Дроздова, но разворот был мал – не увидеть его, а поворачиваться полностью нельзя – привлечёт внимание остролицего к парню. А ведь надежда сейчас пока одна – только Дроздов.

Если он изловчится, беззвучно, в тряске, да в крахмальном хрусте под шинами вытащит автомат и прошьёт сверху душманов, то Коренев с Соломиным – и он сам, ефрейтор Дроздов, – будут спасены, если нет, то небо их перечеркнёт чёрный крест – плен! И тогда это прошлое из себя не вытравишь.

Но Дроздов спал, как сурок, безмятежно, счастливо, не чувствуя беды, – ефрейтор справедливо полагал, что чем больше солдату удастся поспать, тем успешнее пройдёт его служба, макаронники – разные сверхсрочники, прапоры и старшины меньше крови попортят, – и посапывал сладко в узенькие дульца-ноздри, пускал пузыри изо рта, не чуял ни пыли, ни едких афганских мух, которых из кабины надо выгонять, как душманов – боем, ни угарного тепла перегретого мотора.

«Эх, Дрозд! – вздохнул старший лейтенант. – Как же тебя разбудить?»

– Русскому языку научили меня вы – русские, – душман рассмеялся, коротко поклонился, кивок получился очень вежливым, светским, – спасибо.

– Как так? – бесцветно спросил Коренев, засёк прозрачную мертвенность собственного голоса, устало откинулся назад, стараясь ткнуться головой в Дроздова. Не дотянул.

– Очень просто. Каждый год ваш ДСНК – дом советской науки и культуры объявляет приём на курсы русского языка. Приходят чинные молодые люди, хорошо одетые, члены афганского комсомола, охотно садятся за парты, охотно учат язык. И вам совсем невдомёк, что среди этих комсомольцев – много наших партизан, а они – очень прилежные ученики. Понятно, наконец?

– Понятно, – вздохнул Коренев. В голове у него забился тревожный молоточек: «Так-так-так! Вот так-так!» В виски натекла тяжёлая жидкая боль. «Так-так-так. Вот так-так!» – Вот так-так! – вслух произнёс он.

– Среди этих прилежных комсомольцев был и я, – сказал душман, – изучил язык, как видишь, довольно сносно. Но ты дари знаешь много лучше.

– Спасибо! – сказал Коренев. Коренев был профессионалом: военное дело, плюс язык – это его хлеб, но является ли русский язык хлебом для душмана? Что за бред или полубред, всё равно, – лезет в голову? Не об этом сейчас надо думать. – И платят? – спросил он.

– Платят. У вас надбавки за язык – двадцать процентов к зарплате, у нас – больше. И вообще мы живём лучше.

«Мда, у наших коров – самые длинные в районе ноги, – подумал Коренев. – Где же выход, где же выход? И про двадцать процентов надбавки знает, гад!»

Машина тихо ползла по пыльной глубокой колее.

– Прибавь скорьёсть! – приказал душман, ткнул подбородком вперёд.

– Прибавь, Игорь, – сказал Коренев, – не дразни гусей!

Соломин покорно покивал головой, сглотнул что-то с губ и переключил скорость, КамАЗ пошёл неровно, чуть ли не юзом, в цистерне шумно бултыхнулась солярка, и Соломин, проведя грязной рукой по лицу, визгливо выкрикнул:

– Да нельзя быстрее, он что не понимает? Нас цистерна снесёт ко всем чертям!

– Тогда убавь скорьёсть, – подумав, сказал душман и, обращаясь к Кореневу, перешел на дари. – Ты нам нужен, мы тебе найдём дело... Пытать тебя не будем – не бойся, солдат отправим в лагерь, машину сожжём, получим за неё деньги. Соглашайся! А не согласишься – убьём. Всех убьём! Даю тебе три минуты на размышления, – душман красноречиво поддел Коренева автоматом под рёбра.

– К чему такая спешка? – спросил Коренев, душман блеснул глазами, зло вздёрнул подбородок.

– Это моё дело, – сказал он. – Выбирай: либо работаешь с нами, либо пуля, одно из двух. Третьего нет. Понял?

– Мне бы с начальством твоим поговорить, – Коренев, сам того не желая, вступил в игру.

– Я – твоё начальство! Понял? Я всё сказал!

Унылая пыльная дорога медленно уползала под колёса, под шипами хрустела всякая дрянь. «Так-так-так, вот так-так», – лупил в виски звонкий молоточек, вышибал боль – от него даже зубы тряслись, расшатывались, Коренев горестно опустил голову, зажался, не сводя взгляда с дороги и стараясь удержать нехорошую внутреннюю дрожь.

Потом, не отводя взгляда от дороги, спросил душмана:

– Как тебя зовут?

Душман не выдержал, улыбнулся – он понял, что русский поддаётся, и кто знает – может, из него получится хороший инструктор в лагере для подготовки партизан, он будет читать тактику ведения войны в тылах – в той далёкой войне у русских была хорошая практика, будет читать лекции по советским военным уставам, по документам – военным и граждан-

ским, учить, как стрелять из русского оружия – из пулемёта Владимирова, из «утёса», из установок «град» – живой он много нужнее, чем мёртвый, этот худой ошеломлённый офицер? А солдаты... Солдат можно будет убить, отрезать у них уши и за уши получить по сорок тысяч афгани – сорок тысяч за каждую пару, всего восемьдесят.

– Меня зовут Нур, – сказал душман, приподнял подбородок, лицо его заострилось. – Нур Мухаммед, вот так! А тебя как зовут?

– Николай! Николай Саблуков, – сказал Коренев. Он назвал имя и фамилию своего школьного одноклассника, с которым вместе сидел за партой. Коля Саблуков работал сейчас в Москве, в управлении сберкасс и в Афганистане никак не мог появиться.

– О'кей, Николай! – душман ослабил нажим автоматного ствола.

– Чего это он, товарищ старший лейтенант?

– Познакомились, – пояснил Коренев, прикинул про себя: сколько минут прошло из отведенных трёх? Выходило – одна. Осталось две.

– А чего он предлагает?

– Обычное дело – перейти на их сторону, – осторожно пояснил Коренев: душман по имени Нур хорошо понимал русский – может быть, даже лучше, чем говорил, – да и на самом деле он мог лучше говорить, без всяких «скорьёсть», «поворьячываем» и «что» – он вполне мог окончить институт где-нибудь в Симферополе или в Ростове, а для маскировки выдать байку про культурный центр. О том, что наш культурный центр готовит переводчиков для душманских групп, Коренев уже слышал: проникают туда люди обманом, поддельно – такие вот утончённые аристократы, отличающие речь литературную от бытовой, доллары от афганских, щетину от серебра и масло сливочное от оливкового, – поступают туда под видом членов ДОМА – афганского комсомола, прилежно учатся, дружат с нашими ребятами, а потом беззвучно растворяются. Чтобы потом заявить о себе чьим-нибудь рваным безысходным криком или подкинутым к дверям хада или царандоя телом юного партийца, в чьих глазах навсегда застыл смертельный испуг. Так с испугом и кладут потом партийца в могилу.

– Дела-а, – прошептал Соломин, сжал плотно глаза, не желая видеть белый свет, своих спутников, но Коренев, толкнув его локтем в бок, предупредил:

– Следи за дорогой!

Водитель покорно покивал головой – мелко, часто, будто птица. Коренев, машинально разжевав какую-то безвкусную, ни твёрдую, ни мягкую, совершенно непонятную дрянь, неожиданно возникшую во рту, отметил: прошло две минуты, осталась одна.

Душман, привычно выпятив острый подбородок, делающий его похожим на монаха-иезуита с картины средневекового живописца, ждал. Три минуты – не время, для вечности они вообще ничего не значат, перед вечностью, как перед Аллахом, не только минуты, часы, дни, недели, месяцы – мошки, годы – букашки, а о человеке и говорить не приходится, это мелочь, просо, пыль, сеево, недостатка в котором нет.

– Что будете делать, товарищ старший лейтенант? – шёпотом спросил водитель, Коренев едва его услышал, сморщился – висок ему прокололо от напряжения, шёпот едва осилил звон молоточков, продолжающих шустрить с пущей прытью – они безжалостно прохаживались по темени, затылку, скулам, вискам, били даже снизу, в подбородок, по-боксёрски лихо, точно, биение сердца начало ощущаться в плечах, в рёбрах, в костях грудной клетки, в крестце – всё тело Коренева было наполнено болью и грохотом. – А, товарищ старший лейтенант? – водитель скулющим слёзным шёпотом вновь выдернул Коренева из грохота, звона и боли.

Сдерживая дрожь, Коренев постарался ответить как можно спокойнее – важно было, чтобы голос звучал ровно:

– Думаю принять предложение, – перехватил встревоженный взгляд водителя, заметил, что у того в зрачках тихо покачиваются зеленоватые мертвенные огоньки, будто крохотные лодчонки на воде, – Соломин бросил на Коренева короткий и быстрый, словно выстрел, взгляд

и отвернулся, большой, как коровий мосол, костистый кадык у него дёрнулся, подпрыгнул вверх, потом нырнул вниз, снова подпрыгнул и снова нырнул – водитель слглатывал слёзы, дрожал, будто в падучей, и старший лейтенант, которому было не лучше, успокаивающе проговорил: – Ничего страшного, Игорь, ничего страшного... Хуже, если наши кости сгниют где-нибудь в афганской канаве! Ничего страшного, надо принять предложение, Игорь! Понимаешь – надо! – он хотел, чтобы по тону его Соломин обо всём догадался, подхватил игру, иначе при всём расчёте – даже тонком расчёте, дело будет погублено, они погибнут, – ничто их не спасёт, но Соломин, похоже, не слышал старшего лейтенанта, работал кадыком и слглатывал слёзы. Эх, Игорь!

– Молодзец, Николь-ай! – похвалил Коренева душман, ещё чуть оттянул ствол автомата, чтобы русский мог дышать, кивнул довольно, потом ткнул своего спутника локтем и сказал: – Они согласны!

«Неужели это не сон, неужели это явь? Так-так-так, вот железные молоточки продолжали обрабатывать Коренева. – Нет, всё-таки это одурь, плохой сон, который не стоит никому рассказывать, – старлей просто вздремнул в машине и под сытый рык КамАЗовского мотора ему привиделся этот страшный бред. – Сон – не сон, сон – не сон? Неужели явь?»

Низенькие, слепленные из глины дома, огороженные дырявыми дувалами, кончились, дорога уходила к далеко рыжеющим, затянутым нездоровым дымом предгорьям, но до предгорий ещё было ехать да ехать, а пока начиналось ровное сухое поле, которого Коренев раньше не видел – не заезжал сюда, за полем шли увалы, как где-нибудь в Алтайском либо Красноярском крае, выжаренные злым солнцем до каменистой корки; в увалах этих можно было спрятать несколько дивизий. А дырявые дувалы – это не от бедности, не от того, что не хватает глины – это сделано специально, чтобы сушить знаменитый здешний изюм. Чёрный. Такой сладкий, что он, когда сухой, слаще сахара. Ветер хорошо продувает дыры в дувалах, вялит, сушит изюм – через несколько дней продукт готов, насыпай, хозяин, новый.

– З дорьёги не зворачьёвай – там мьины, – предупредил душман и по тому, как он выговаривал, рисовал слова в этот раз, как строил речь, – а отличие от первой фразы, произнесённой им, было заметным, Коренев понял: душман Нур русский язык действительно знает хорошо, теперь старший лейтенант готов был биться об заклад с любым богом из батальонной разведки, что этот аристократ окончил у нас вуз... – Много мьин! – сказал Нур и засмеялся. – Лучшьё йехать прьямо, – он потыкал пальцем в рыжеющие предгорья, – по кольее.

– Как и у нас, – пробурчал водитель, снова глянул на Коренева – мертвенные зелёные птички, плавающие у него в глазах, погасли, лицо потемнело, стало совсем печёным, чужим, будто у мертвеца.

– Тьёчно, – подтвердил душман Нур, – кьяк у вас – я знаю, – и этими словами укрепил догадку Коренева.

– Значит, мы сдались, товарищ старший лейтенант? Сами сдались в плен? – быстрым рассыпчатым шёпотом спросил Соломин, и Коренев почувствовал, что душман насторожился – шёпот водителя ему не понравился. Автоматный ствол снова упёрся Кореневу в рёбра.

– Сдались, Игорь, – громко произнёс Коренев.

– Ну и ладно, – неменяющимся рассыпчатым шёпотом пробормотал водитель, – ну и хорошо! Ну и ладно...

«Слишком быстро ты, друг, смирился, – зло подумал Коренев, – всё у тебя очень просто! Погоди, до конца мы ещё не сдались. А сдадимся – нахлебаемся полной ложкой. Вволю наедимся!»

– Выбора у нас не было, Игорь, – сказал Коренев, – вот Нур Мухаммед подтвердит, что не было.

– Не было, – охотно подтвердил душман, поднял подбородок.

– Либо сдаваться, либо... – Коренев звонко прицокнул языком – звук был однозначный, второго смысла у него не существовало – только один и никто не мог сказать, что не знает, к чему приравнен этот звук, к жизни или к смерти, – либо пуля. Что ты предпочтёшь, плен или пулю?

– Да вы уж за меня выбрали, товарищ старший лейтенант!

– А раз выбрал, то доверься мне. И Дроздов тоже!

Дроздов продолжал безмятежно насвистывать в две крохотные сопелки – он так сладко спал, что старший лейтенант остро, почти слёзно позавидовал – уж лучше бы спал он, Коренев!

– Ладно, – пошмыгал носом водитель, – а дальше что?

– Дальше пръямо, – сказал душман, – по колье.

– Я не про то, – Соломин снова шмыгнул носом, он слабел на глазах – сник, лицо его обвяло, – всё произошло слишком быстро – Соломин боялся за себя, за машину, за старшего лейтенанта, за дурачка Дроздова, так до сих пор и не проснувшегося, – я про то, что будет с нами?

– Всё будет нормально, – сказал Коренев.

– Да, всё будеть нормаль, – подтвердил Нур, показал чистые красивые зубы. Ах, какие крепкие зубы, такие крепкие, что ими можно кусать проволоку. Коренев, у которого с зубами было плохо – разъедала вода и пища, да и голодная детская пора не дала им возможности окрепнуть, не на чём было потренироваться, одно шло к другому, беда к беде, а порча к порче, – всегда завидовал таким зубам. – Деньги будут, водка будет – всё будеть нормаль! – Нур громко, скрипуче захохотал – как только он повышал голос, с ним происходили превращения – голос делался очень некрасивым и душман превращался в недобрую угрюмую птицу, горбато нахохленную от неудач, искривления костей, болей в зобу и от злости.

– Мы изменили, да, товарищ старший лейтенант? Изменили своей Родине, да? – водитель, всхлипнув, сжал веки. На щёки потекли мелкие мутные слёзы. – Это называется так, да?

– Молчи, Соломин! – как можно мягче проговорил старший лейтенант: ему и самому было мутно, а тут юный защитник, принимавший присягу, развёл пруд. Хоть карасей в мокроту запускай.

В желудке от того, что долго не останавливались, не вскрывали дорожное НЗ, ничего не «клали на зуб», было пусто, поташнивало, словно Коренев съел тухлятину, во рту было горько – хотелось вывернуться наизнанку, вывалить всё, что есть внутри, рухнуть на землю и затихнуть. И если уж придёт смерть, то пусть она будет мгновенной, без мук. Очень не хотелось мучаться. Коренев подвигал нижней челюстью из стороны в сторону, будто у него именно сейчас, прямо в кабине КамАЗа заболели зубы, потекла надкостница, начали разваливаться дёсны – и вообще начался распад тела, который он воспринял слёзно, с внутренним страхом.

Он не знал, как выбраться из этой передраги, как дотянуться до своего «калашникова» – родного, ободранного, опротивевшего, но такого дорогого, такого необходимого: любое его движение перехватывалось, любая попытка завладеть оружием на половине пути обрывалась горячей свинцовой плоской, очередью, горстью плосек – Коренев находился в капкане. И ребята его были в капкане.

Душман Нур засёк его напрягшееся лицо, разглядел, как вспыхнули острые скулы, а лоб стал жарким, окрасился свекольным цветом, заблестел от пота, всё понял и потянулся за корневским автоматом, перекинул его к напарнику.

– Держи, чтобы русский не наделал глупостей!

– Но ведь он уже согласился, – недовольно проговорил напарник, – он уже наш!

– Это ничего не значит. Нашим будет, когда пройдёт испытание: замочит руки в крови, пометит себя – тогда и будет нашим!

Коренев понял, что это такое – его заставят убить шурави, – допустим, того же Соломина, который, схлебывая горькие слёзы с губ, продолжает с трудом крутить баранку, – и навсегда повяжут этой кровью. Перед глазами у него запорхали светлячки, сделалось дурно.

– Нет, – произнёс он и сам себя не услышал.

– Из машины надо вытащить всё оружие, – сказал Нур своему напарнику, – под сидением надо посмотреть, среди инструмента, там могут быть гранаты.

В чём, в чём, а в сообразительности, даже в некоторой проницательности, душману Нуру не откажешь: под сидением действительно лежали гранаты – сами гранаты в одном месте, а вывинченные запалы, которые опасны не менее, чем гранаты – в другом, в отдельном деревянном ящичке без крышки, переложённые тряпьем. Коренев много раз говорил Игорю, что гранаты опасно возить под задницей, даже случайная пуля может зацепить, и тогда наливник вместе с людьми поднимется в воздух, но Соломин только посмеивался:

– Бог не выдаст, свинья не съест, товарищ старший лейтенант! Никто не знает, где эти огурцы могут пригодиться.

Вот и пригодились. Гранаты пополняют боевой припас душков – на боль и слёзы, на несчастье какого-нибудь нашего солдата, «соляры»-пехотинца или «полосатого» – лихого десантника, одетого в тельняшку. Коренев недовольно повернул голову в сторону водителя, увидел глаза Соломина – мокрые от слёз, со слипшимися в углах ресницами, жалкие, словно у собаки, которой передавили хребет. Коренев отвернулся.

– Сворьячьвай нальево! – приказал душман.

Игорь покорно – на этот раз без дубляжа приказа старшим лейтенантом – свернул на едва примятую плоскую колею, притормозил, пошёл медленно; в длинной, как колбаса, ёмкости наливника тяжело бултыхнулась солярка – хоть и наливали её под самую пробку, а всё зазор, люфт для такого опасного бултыханья остался – это недогляд и Игоря, и Дроздова, вместе взятых, они водители, – и Соломин неожиданно громко, в вой, заплакал. Старший лейтенант на этот раз даже не обернулся – он и сам не знал, что делать.

– Хорьёшо, хорьёшо, – довольно покивал душман Нур.

Колея потянулась вверх, на поросший травой холм, макушка которого была срезана лобовым попаданием ракеты, а бок холма украшала большая чёрная прогорелость – что-то тут было раньше, раз по холму саданули ракетой – то ли наши ударили, то ли душки, не понять. Коренев с тоской закусил губы. «Так-так-так, вот так-так!»

Солярка переползла назад, потянула цистерну вниз, тяжёлый прицеп заскрежетал, мотор взвыл натуженно, хрипло, из выхлопного патрубка, приделанного к кабине, потёк чёрный дым, сполз на ветровое стекло, на капот – дым выскакивал из патрубка быстрее, чем шла машина, безобразил горизонт. Игорь продолжал выть – затажно, по-бабьи некрасиво: видать, почувствовал парень последний предел. Этот предел был общий и у Коренева, и у Дроздова – у всех один и на всех один.

– Не плячь, – сказал ему душман Нур, – тут мьин нет!

«Да и что мины, лучше бы подорваться на mine, чем вот так, – подумал Коренев, – ох, и положение! Мы – словно куры перед супом, со связанными лапами, со связанными крыльями, мы даже шевельнуться не можем – не то чтобы защититься! Бог мой, господь мой! Да есть ли ты вообще на свете? Комсомол, пионерская организация с горластой классной руководительницей? Или мать с отцом и дом твой? До-ом», – Коренев часто заморгал повлажневшими глазами.

Длинная цистерна с соляркой потянула ещё сильнее, Соломин, не прекращая плача, перешёл на первую скорость, сделал это машинально – тяжёлая закоптелая рука привычно передвинула кривой рычаг с нарядной эбонитовой шишечкой в нужное положение, ноги сделали плясовое движение – тройное: нажал, отпустил, снова нажал, КамАЗ заревел и упрямо, побычьи сильно, тупо пополз вверх, на холм.

– Вы научились делать хорошие машины, – похвалил Нур на дари, сделал привычный проброс остреньким лисым подбородком, – этот КамАЗ – хорошая машина, нужная в хозяйстве, жалко будет сжигать.

– Хочешь, перегоним в Пакистан? – неожиданно предложил Коренев: надо было выкраивать шансы для себя, для жизни, для этого сопляка Соломина, для безмятежного крепьша Дроздова, надо было действовать, и тут были хороши все способы. Все без исключения: цель оправдывала средства!

– Хочу! – подумав, сказал душман, – очень нужная машина в хозяйстве. И продать её – деньги будут. А? Денег куры не клюют, – так, кажется, говорят у вас?

– Так, – подтвердил Коренев.

– А с машины можно снять цистерну? – задал душман Нур школьный вопрос.

– Можно.

– И поставить кузов? Длинный железный кузов. Или деревянный.

– О чём это вы? – прервав вой и до крови прокусив нижнюю губу, спросил Соломин. – А, товарищ старший лейтенант?

– Торгуемся!

– Мможно? – спросил душман Нур.

– Естественно.

– Всё, это машина моя, я её конфискую, – заявил Нур и обрадованно подпрыгнул на сидении, – договорюсь с командиром и заберу её, как трофей! Это ведь правильно будет? По чести?

– По чести, – угрюмо глядя перед собой, стараясь понять, что сокрыто за срезом холма, а что находится в самом холме, ответил Коренев; сердце его, малость утихомирившееся, снова заработало оглушающе громко, бестолково, неровно. И Коренев тоскливо подумал: «Что же будет, что? И зачем ты меня родила, мама моя? Роди меня обратно!»

КамАЗ вскарабкался на кривоватую, опаленную ракетным пламенем макушку холма – довольно широкую, утоптанную, со следами колёс – следы оставили верткие легковушки, которые в Афганистане зовут бурдахайками, ветровое стекло в последний раз облепило дымом, машина лязгнула суставами, словно доходяга, которой пора на покой, Соломин, заплакав, выдавил педаль тормоза до конца и машина остановилась.

– Прьявильно! – похвалил Нур. – Выхъёди! – он проворно наставил автомат на Коренева – словно и не было никаких разговоров по душам, словно и не договаривались они о перегоне КамАЗа в Пакистан, – а ведь, вроде бы, ниточка доверия образовалась, Коренев зло сощурился – вот тебе и ниточка доверия! – опустил глаза, Нур автоматом показал ему, чтобы отошёл от машины, потом перевёл ствол на водителя. – Выхъёди! И етот! – он потыкал стволом в спящего Дроздова. – Бистро!

Слово «бистро» Нур произнёс на французский лад, мягко, складно – впрочем, не зная того, что когда-то русские казаки покорили Европу тем, что останавливаясь у ресторанов, требовали еду, не слезая с коней: «Быстро! Быстро!» И ловкие кабатчики кивками давали понять, что все они сделают стремительно, со скоростью молнии. «Бистро, бистро, да-да» – повторяли они. С тех пор в Европе появились бистро – небольшие ресторации и кафе, где посетителей обслуживают без церемоний, по-военному оперативно, без толчеи и вкусно – мда, вкусно обслужить тоже нужно уметь. Коренев болезненно сморщился – что за чушь лезет в голову?

Всхлипывая, Игорь растолкал Дроздова, тот резво вскинулся на сидении, головой врубился в потолок кабины, морщась, помаял рукою макушку:

– А? Что? Чего? Уже пора меняться?

– Пора, – плача, проговорил Соломин, и Дроздов, вроде бы, сам себе не веря, вытаращился на душманов, на их автоматы и покорно поднял руки.

– Вот те, бабушка, и серый козлик, – шёпотом проговорил он и неловко, задевая то локтями, то поднятыми руками за углы, выбрался из кабины, остановился, угрюмо опустив взгляд себе под ноги.

Корнев быстро прощупал глазами макушку холма, которая видна бывает, наверное, только с вертолётов, но у вертолётов маршрут над этой стесанной земляной горбушкой не проходит, у них есть другие пути-дороги, – на холме не было ничего особенного, никаких зацепок, кроме замусоренной выбоины у края и четырех грязных охапок травы.

Нур, привыкший перехватывать взгляды – он вообще был очень цепким, сообразительным и опасным, этот рафинированный душок с выставочными зубами, – перехватил и этот взгляд, усмехнулся. Сказал Корневу на дари:

– Чего ищешь? Ничего не найдешь – не ищи! Это Восток, а что шурави понимают в Востоке? – повернулся к напарнику: – Проверь кабину!

Тот послушно полез в КамАЗ, поднял сидение, достал оттуда четыре гранаты с вывинченными запалами, выкинул из кабины – рубчатые чёрные лимонки одна за другой мягко шлепнулись под ноги Нуру, напарник умел швырять прицельно, с лихим вывертом, с «крученной» – удручающе быстро нашёл запалы, переложённые тряпками, из-за спинки водительского сидения, как раз там, где спал Игорев сменщик Дроздов, извлёк ещё один автомат, лифчик с четырьмя полными рожками – у этого душмана было чутьё на оружие, он находил его стремительно, как хорошо натренированная собака, заглянул за отвороты шторок – нет ли чего там, покривился недобрый губастым лицом – всё у него сделалось кривым, даже борода косо съехала набок, пробежался глазами по кабине, отыскивая какую-нибудь заначку.

– Чего это сорбозы нас так тщательно обшаривают? – спросил Дроздов. Он хоть и вылезал из кабины с поднятыми руками и сейчас держал их в положении «хенде хох!», но до сих пор не понял, что происходит: круглое лицо его напряглось от трудной работы по части сообщения, мозги натужно заскрипели, в осветленных, с остатками сна глазах застыло ожидание – ефрейтор Дроздов был из людей, что не любят влиять на ход событий – как сложатся дела, так и сложатся, подталкивать их – только себе хуже делать; Дроздов пальцем не пошевелил, чтобы удрать отсюда, либо, передав охрану, попытаться освободиться.

– Это не сорбозы, – пояснил Корнев.

– А, – сказал Дроздов и, похоже, опять ничего не понял.

– Под лежаком посмотри, – скомандовал Нур своему напарнику, – ещё загляни в ящик для носовых платков, пожалуй, всё – больше, вряд ли где что есть... Если только в этом дирижабле! – Нур, выпятив подбородок – он словно бы ощупывал, проверял им пространство, – глянул на цистерну, из которой сочилась солярка, и рассмеялся.

Напарник его проворно залез в бардачок – «ящик для носовых платков», нашёл там гранату, аккуратно вывернул запал. Корнев вяло удивился: раньше водители не держали в бардачке гранат с вывинченными запалами, а сейчас что это было – предчувствие беды, неясная тоска, злость или что-то ещё? Что заставило? Борода у душмана неприятно скособочилась, запал он положил себе в карман, а тяжёлую рубчатую чушку бросил к ногам Нура, к четырём лимонкам, что там уже лежали.

– Все? – спросил Нур.

– Все!

Нур подхватил оба автомата – «Неплохой трофей, если считать, что советские «калашниковы» – лучшие в мире, они даже лучше американских автоматических винтовок М-16» примерно это было написано на лице Нура, и если он будет так же добычлив и впредь, то жизнь его обещает быть тёплой и сытной, – пальцем подцепил за ляжку лифчик с патронными рожками и сказал напарнику:

– Пойду доложу!

– А я?

– А ты, во-первых, выдерни ключ зажигания из машины и отдай мне, – когда напарник это сделал, Нур продолжил: – Не люблю, когда горячее сжигается вхолостую, – сунул ключ в карман, побрякал им там: А во-вторых, ты, брат, побудь пока с этим... побегут прямо на мины, – не нужно нам это! – Нур, не нагибаясь, поддел ногой сухую охапку, под ней оказалась удлинённая, обмазанная глиной дверь с деревянной рогулькой, похожей на сучок, подцепил рогульку пальцами и дверь неслышно и мягко открылась – то ли была хорошо смазана, то ли управлялась электричеством, за ней показался сухой широкий лаз. Через секунду душман Нур исчез в нём. Уже из лаза донёлся его голос: – Я скоро!

Бочком, бочком, не прекращая всхлипывать, косясь мокрыми глазами на борода-того душмана, принадлежность которого к «прохорам» не могла скрыть даже ладная военная форма, Соломин придвинулся к старшему лейтенанту, едва слышно зашевелил мокрыми губами:

– У меня ключи ещё есть.

– Какие ключи?

– Запасные ключи от машины...

Хоть и говорил Соломин едва слышно, в нос – даже старшему лейтенанту непонятно было, плакал он, глотая слёзы вместе с мятым бормотаньем, либо действительно что-то сказал насчёт ключей, но душман, оставшийся их охранять, разговор засёк, чёрная борода его пере-косилась, он взвизгнул:

– И-ить! – и красноречиво потряс автоматом, показывая, что церемониться не будет. – И-ить!

– Как тебя зовут? – спокойно и дружелюбно спросил Коренев у душмана.

– И-ить!

– Меня зовут Николай, а тебя?

– Молчать, кафир – воскликнул тот. – Кафир! Ждёшь, когда я тебя пристрелю? Сейчас я это сделаю!

– Ладно, – сказал Коренев, добавил несколько успокаивающих слов на дари и, стараясь как можно слаще улыбаться – даже чаю без сахара захотелось выпить, так сделалось сладко – прижал руку к сердцу, поклонился чернобородому. Тот всё принял так, как надо – всерьёз, немного отмяк, хотя в глотке у него некоторое время что-то дребезжало, стучалось друг о друга, угрожающе погромыхивало, И Коренев, не спуская глаз с душмана, сказал водителю: – Игорёк, я сейчас его ударю, а ты сразу бегом к машине и заводи! И Дроздов – в машину! – Коренев поклонился ещё ниже, ещё подобострастнее, дребезжанье в глотке правоверного мусульманина сделалось тише, борода ровным срезом легла на солдатскую форму.

Правоверный не успел сообразить, каким приёмом его подсёк улыбающийся русский офицер – он, вроде бы, даже не приближался к душку, а тот утробно крякнул, изо рта у него вывалился язык, лицо посинело – душман потерял дыхание, любая попытка втянуть, всосать, вдавить в себя воздух вызывала лютую боль – лёгкие отказались ему служить, правоверный попробовал закричать, но крика не было, как не было ни львиного громоуханья в глотке, ни дребезжанья, ни костяного хряска – всё пропало, автомат сам вылетел из его рук и шлёпнулся в рыжую землю, душман прижал руки к животу и повалился на спину, стараясь захватить раскрытым ртом побольше воздуха, но и это ему не удалось – Коренев ногой отбил у него всё, что он имел внутри.

– Соломин, в машину! – скомандовал Коренев, на ходу подцепил вылетевший из руки мусульманина автомат, ловко передернул затвор, ставя в положение стрельбы очередями, потом подскочил к душману, попытался сдернуть у него с пояса сумку с автоматными рожками, но ремни оказались крепкими, Коренев уперся ногою в правоверного, с силой рванул – ремни с хрустом лопнули и сумка – точнее, туго набитый бокастый подсумок оказался у него в руках.

Водитель молнией метнулся в кабину, моля сейчас об одном – лишь бы завёлся мотор, не то он, раскалённый, усталый, может закапризничать, – лишь бы этот гад завёлся, но загвоздка оказалась в другом – Соломин никак не мог удержать в трясущихся пальцах ключ зажигания, всё время промахивал шпёнком мимо рисунчатого глазка замочной скважины, кусал мокрые губы, захлебывался потом и слезами, плакал, трясся всем телом и никак не мог совладать с ключом.

– Скорее! – прошипел ему оказавшийся рядом Дроздов, двумя руками ухватил руку Соломина с ключом, помог одолеть дрожь, довёл ключ до скважины, потом сверху ударил ладонью, надёжно вгоняя в прорезь.

– Не копать, не копать... Ну! – подогнал повисший на подножке старший лейтенант – Коренев успел уже обежать наливник кругом. Подземный лаз Коренев держал под прицелом. Выматерился зло, хриплым шёпотом. Не сводя взгляда с лаза, пригнулся, кинул сумку с рожками на сидение. – Чего телитесь!

Схлебнув солёную жидкость, натекшую в рот, Соломин, вымокший до нитки – он вспотел так, будто попал под дождь, куртку уже надо было выжимать, а с него всё текло, текло, текло и продолжало течь, Соломин пахнул резко, нехорошо, – это было от страха, от страданий, от того, что он пережил в последние десять минут, Коренев не удивился бы, если б Соломин внезапно сделался сивым, без единого тёмного волоска в голове, – водитель уже застонал от бессилия, стараясь повернуть ключ, но вот всё кончилось, и Соломин сразу успокоился: ключ легко пошёл вправо, раздался ровный гуд стартера.

«Ну, не подкачай! Заведись же, заведись!» – покряхтел лицом Соломин, резко выровнял ключ и снова крутанул его вправо. Мотор завёлся, Соломин тут же воткнул первую скорость, сделав это машинально – рука, метнувшаяся к кривой рукояти, украшенной нарядным чёрным набалдашником, сделала это сама, ноги тоже сработали машинально и КамАЗ плавно тронулся с места, совершил небольшой круг, аккуратно вписываясь в срезанное ракетой пространство, только в одном месте правые колёса чуть провисли и машина стала заваливаться, но Соломин тут же выровнял наливник, перевёл на вторую скорость.

– Молодец! – пробормотал старший лейтенант, приподнялся над кабиной – ему уже не было видно ни подземного хитрого лаза, ни скорчившегося чернобородого душмана, он втянул себя в кабину, с грохотом закрыл дверь – теперь таиться было нечего, пусть правоверные садят по ним хоть из пушки!

И плевать, если у них заглохнет усталый загнанный мотор – начинается спуск с холма, тут и без мотора разогнаться можно. В коробке передач визгливо запели шестерни, Соломин, чтобы они не раскрошились переключил на нейтралку, и забултыхалась, запрыгала под ними неровная колея, сзади на кабину тяжело надавила цистерна с соляжкой. Кабина от напора закрипела, в пазах раздался угрожающий звон, затем последовало металлическое пение, стрекот; складываясь домиком, кабина поползла налево, потом перекосилась направо, к космическим перегрузкам машина не привыкла – сейчас главное было, чтобы Соломин со страху не нажал на педаль тормоза.

Если нажмёт – наливная цистерна срубит кабину под корешок вместе с людьми, сплющит саму себя и покатится под гору впереди КамАЗа, брызгаясь соляжкой, заклепками, сорванными с болтов гайками.

– Ты, Игорь, не тормозни случайно! – прокричал Коренев. – Лучше на газ надави!

С Соломина продолжал течь пот, он вообще был парнем с хорошим водяным и прочим запасом, это было заложено в его организме с рождения: если начинал плакать, то плакал безостановочно, если потел, то мог потом своим, слюнями и мочой залить всю кабину, если трусил, то трусил по-крупному и тоже потел, если радовался, то и радости его хватало вместе с умильными слезами на целый полк – эти качества Коренев открыл в Игоре только сейчас, в какие-то считанные секунды, удивился, как же он не видел этого раньше, – ему стало весело и

он безудержно, хлопая кулаком по железному верху панели, захохотал: – А всё-таки она вертится! Вырвались! Вертится ведь! Ты понимаешь, Дроздов, вырвались, – он повернулся к крепыщу Дроздову, одной рукой сгрёб его круглую ушастую голову, притянул к себе и, словно отец, поцеловал в макушку. – Вертится Земля!

В следующий миг Коренев остановил себя – погоди, дурак, радоваться, не перепрыгнул ещё через плетень, а уже выкрикнул «гоп!» – и старший лейтенант оборвал свой сумасшедший смех.

КамАЗ стремительно набирал скорость, за грохотом ничего не было слышно, Кореневу прокололо голову острое – ну, будто бы гвоздь в черепушку вогнали, мысль была большой – мины! Не может быть, чтобы душманы не заминировали колею, ведущую к ним на холм, они обязательно в двух-трех местах поставили управляемые мины. Усилили их парой снарядов – получились вполне приличные фугасы. По земле, а кое-где и под землёй проложили провод, вывели его на холм, под руку к какому-нибудь душманскому начальничку, сейчас начальничек повернёт рукоятку пакетника и под КамАЗом вздыбится земля.

Но нет, не вздыбилась земля. Колея продолжала с грохотом уноситься назад. Душман Нур, наверное, уже выскочил из схоронки, сорвал с плеча автомат – сзади что-то звонко щёлкнуло, цистерну встряхнуло, но автоматная пальба на таком расстоянии – всё равно что пальба горохом.

– Ага, лупи! Лупи! – торжествующе вскричал Коренев. – Все-е – е... Все!

Наливник чуть не переломился в хребте, вымахнув на ровную дорогу – холм кончился.

– Все-е-е-е, – долго, будто певец, сошедший с ума, пропел – нет, всё-таки не пропел, а прокричал Коренев. – Жми лаптёй – деревня близко-о-о!

Железный бич снова прошёлся по цистерне, Коренева потянуло вперёд, он упёрся руками в щиток, кабину повело. Надо отдать должное Соломину – молодец, несмотря на то, что был мокрый, как мышь, вовремя включил скорость, самую высокую, что была у КамАЗа, выжал акселератор до репки, и КамАЗ потянул, потянул, потянул – цистерна, давившая на них всей мощью своей, огромной, неуправляемой, – ослабила нажим, сцеп звякнул, закрипел всеми железными костяшками, цистерна стала покорной, – и залопотала, захрустела колея под колёсами.

Теперь главное – везение: не напороться бы на мину. Коренев впился глазами в колею – не высветится ли где цветной проводок, проложенный к какой-нибудь «итальянке» или «англичанке» – тяжёлым минам, которые душки покупают за свои деньги и ставят на танки, а потом идут с протянутой рукой в кассу получить гонорар, ибо танк стоит очень дорого, – из глаз Коренева от напряжения заструились слёзы он сам себе показался похожим на Соломина, но это уже не играло никакой роли – Соломин он – не Соломин, слабак – не слабак, не время разбираться в своих ощущениях, хотя подоспеет минута – и старший лейтенант ощутит, как всё, что у него будет в желудке, поползёт вверх, его вывернет наизнанку только от одного осознания того, что происходило, от того, что они так нелепо попали в плен – всё это, чувствовал Коренев, будет, всё это впереди. Но не сейчас!

Пыль высокими струями выметывалась из-под колёс, повисала густым непроглядным пологом – лучшей маскировочной завесы нельзя было придумать. Как говорится, нет худа без добра – пыль эта хоть и душманская, но запорошит она глаза душманам так сильно, что им будет уже не до стрельбы – просморкаться бы, прохаркаться!

Всё-таки есть на свете счастливые звёзды, которые иногда светят неприметному, подмятому жизнью, болью и горестями человеку, – он жадно, с открытым ртом ловит этот свет, плачет, моля судьбу, чтобы пришло везение, удача, и судьба смягчается, начинает потакать ему – когда увидишь этот свет, тогда всё, абсолютно всё, даже самое страшное, становится нестрашным.

На землю, на страшноватый усталый КамАЗ, на напуганных ребят наших пролился волшебный свет.

После удручающего невезения полосы, в которой они чувствовали себя, будто мухи, вляпавшиеся в дёготь, им повезло. Повезло сразу несколько раз. Повезло в том, что Нур хотел подзаработать – денежки сами прилипали к его пальцам, повезло, что его напарник оказался «непримиримым» и у него злость выела чутье, зрение, слух, он оказался полоротым в ситуации «дважды два» и в нужный миг не смог сообразить, сколько же будет дважды два – вот и валяется теперь с вдавненным в хребет желудком, корчится – и ладно будет, если ему свои не пустят красную юшку, а они ведь пустят, обязательно пустят; повезло – особенно повезло с тем, что у Соломина оказались запасные ключи – так-то они кому нужны, какой дурак будет таскать с собою лишнюю тяжесть; повезло во всём – в том, что они сумели развернуть громоздкий КамАЗ на малом срезе горы и не опрокинуться набок, в том, что цистерна не снесла им кабину, что станина машины оказалась прочной и не переломилась, в том, что душки запоздали со стрельбой, в том, что на дороге не оказалось мин...

«Бог мой, неужели ты есть, Бог? Такой длинный список! – обрадованно изумился Коренев. – Неужели наша звезда – общая, единственная на всех, что подсобила, помогла справиться с бедой сразу всем? И долго ли нам ещё будет везти?»

Через пятнадцать минут они были уже у ворот своей части – длинного, вставшего посреди поля лагеря, обнесённого двумя рядами колючей проволоки. «Что будет, если ежа скрестить с ежом? Полтора метра колючей проволоки. Так сколько же ежей и ужей понадобится извести на такой забор?»

Коренев почувствовал, что неожиданно ослабел – будто забарахлил мотор, установленный у него внутри, сердце, которое только что работало изматывающе, оглушало его, теперь пропало совсем, внутреннее напряжение погасло и всё крепкое тело его наполнилось одним – усталостью. И ещё – некой странной постыдной немощью, он ощутил, что неспособен сейчас ни на что, самое большее, что может сделать – лишь донести свою голову до подушки. Он даже докладываться начальству сегодня не будет. Завтра! Всё завтра!

С трудом выбравшись из кабины, Коренев махнул рукой дежурному прапорщику, высушившемуся из будки, обложенной мешками с песком, тот махнул рукой ответно:

– Чего так долго? Вас уже заждались!

Водитель вопросительно глянул на Коренева – может быть, рассказать обо всем дежурному? – но Коренев, отрицательно качнув головой, сузил воспаленные глаза:

– Завтра, всё завтра! Да и не тот уровень!

Всё правильно: дежурный – не тот уровень, докладываться надо командиру батальона.

– Запарились, товарищ прапорщик, – крикнул Соломин дежурному, – такие поездки выпадают одна на пятьсот!

– Тяжёлая? – со вздохом посочувствовал прапорщик, сам он хоть и находился в действующей части, а на боевых почти не бывал – сидел в этой будке, хорошо вооруженный, сытый, одетый и обутый, с горячим чайничком и книжкой, охранял въезд в часть и лихо вскидывался в приветствии, когда в поле зрения у него появлялись старшие офицеры.

Игорь выразительно приподнял плечи – раз одна на пятьсот, то, конечно, тяжёлая поездка. Вместе со старлеем и Дроздовым он обошёл наливник кругом – ещё до ворот надо было знать, покорежена машина или нет, какие побитости, вмятины и дыры появились, – дыр не было, металл одержал автоматную пулю – на излёте она, конечно, не очень опасна, водитель скovyрнул ногтём несколько спёкшихся земляных лохмотьев, пропитанных маслом, потыкал концом пальца в автоматные вмятины.

– Нур! Это он стрелял, – сказал Коренев.

– Да, – согласился Соломин.

Ниже тоже имелись вмятины – аккуратные, неглубокие, с выкрошившейся сквозь пылевые пробои защитной краской, – эти вмятины были покрупнее.

– А это где же нас угостили? – устало спросил старший лейтенант.

– Не знаю.

– Может, за Салангом? Помнишь, проходили ловушку, когда передовой «бетеэр» замешкался, а замыкающий не растерялся – выручил?

– Он не только нас, он всю колонну, товарищ старший лейтенант, выручил. Если бы не он, мы могли лежать вверх ногами.

– А если бы он – мы бы в плену не побывали, – угрюмо произнёс Коренев. – О том, что было – ни слова, ясно? – он жёстко, в упор глянул на Соломина, тот отвёл глаза в сторону, кивнул согласно, Дроздов вообще глаз не поднял, он в осмотре не участвовал, задумчиво мял мягким резиновым носком пыль у ног – ефрейтор Дроздов был обут в кеды, обувь в Афганистане летит так быстро, что надо свой завод иметь, чтобы обуваться. – Ясно? – спросил у него Коренев.

Крепыш Дроздов поднял голову и расправил плечи.

– Конечно, ясно!

– Тогда поехали сдавать машину! Пулевые вдавлины нам простят, за автоматы будем отчитываться завтра, вновь поступившее оружие – личный «калашников» несчастного мусульманина – оприходуем тоже завтра. Договорились?

– Договорились, – кивнул Дроздов, его напарник на этот раз промолчал – не до того было, он столько пережил, что не удивится, если завтра башка у него станет седой.

– А пока никому ни слова, – ещё раз предупредил Коренев, – не то на нас навесят такое... наших крючкотворцев я знаю хорошо – вдохновенные личности! Ну-ка, иди сюда, – он положил руку на лоб Соломина. – Горячий! Пережил ты, брат, пережил... Не горюй, на войне и не такое бывает. Веди себя, как наш друг Дроздов – он всё воспринимает так, как есть, в нормальном свете, – Коренев почувствовал, что его понесло, он сейчас будет говорить, говорить – это нервное, схожее с приступом, а потом, когда всё уляжется, займёт свои полочки в мозгу – наступит обратное: Коренев замкнётся, поугрюмееет и вытащить из него лишнее слово можно будет только клещами, и то это слово окажется кривым, как долго сопротивлявшийся, отживший своё гвоздь.

– Не дай бог, в личную анкету попадет это страшное, что мы пережили... плен, – старший лейтенант вздохнул, – «находился в плену»... Мерзко как звучит!

Сон старшего лейтенанта был обвальным: едва он дотащился до койки, как рухнул – вместе с какой-то непонятной массой понёсся вниз, – и закрутило его, завертело, будто лист, сорванный ветром. Единственное, что он слышал во сне – своё сердце, которое то колотилось оглушающе, больно, так больно, что ломило ключицы – бедное сердце ещё раз переживало, пропускало через себя то, что произошло, то, наоборот, стихало совсем, ничем себя не выдавая – ни единым стуком, – и тогда внутри образовывалась пустота и старший лейтенант замирал во сне, сам себя спрашивая: а жив ли он?

В отличие от старшего лейтенанта водитель Игорь и его напарник долго не могли уснуть: Соломин мучался потому, что струсил – со стороны это, может быть, не было заметно, но сам-то он точно знал, что струсил – превратился в мокрого мыша, и пот его почему-то странно припахивал мочой – в Соломине, когда он понял, что происходило, отказало всё – полетели тормоза, в голове возник пустой звон, желудок продавило тяжестью, и если бы он не боялся душманов, его бы вырвало, руки-ноги так ослабли, что предложи ему сейчас встать с койки и пойти в туалет – он не встанет, предпочтёт напрудонить под себя. И напрудонит. Если надо – и по-большому, и по-малому. Дроздов тупо соображал, что же произошло, он до сих пор не мог осознать, что был в плену.

– Как это случилось? – хмуро ставя выгоревшие бровки-гусенички домиком, поинтересовался он у напарника.

Тот рассказал.

– М-да, – Дроздов крякнул. – А в тюрягу нас за такую промашку не забреют?

– Нет. Старший лейтенант завтра всё возьмёт на себя. Он договорится.

– Вот пусть и берёт на себя, а нам это ни к чему. Мы ведь, Игорёк, подчинённые?

– Подчинённые, – подтвердил Соломин.

– А раз подчинённые – значит, подчиняемся приказам? А или не а?

– Ну да!

– Значит, старший лейтенант Коренев мог делать с нами, что хотел?

– Наверное, мог, – Игорь лежа приподнял плечи, шевелиться ему не хотелось, всё причиняло боль, неудобство, мышцы и кости болели, спина прилипла к простыни – он до сих пор потел. – Я не знаю.

– То есть он мог приказать нам, чтобы мы сдались в плен, и мы сдались. А или не а?

– А!

– Но на деле-то вышло по-другому: мы не сдались и не думали сдаваться – нас сдал старлей! Так?

– Ну!

– Он ведь разговоры с душками вёл по-ихнему, поди разбери, о чём он там с ними говорил? А говорил он, по-моему, вот о чём – продавал технику за хороший бакшиш, КамАЗ с цистерной, солярку – всё-таки полная колбаса, а это знаешь сколько можно заправить машин? Это же больше обычной бензоколонки. На западе на дизеля давным-давно перевели и грузовики, и легковушки – а легковушке солярки надо в шесть раз меньше, чем грузовику.

– И в двадцать раз меньше, чем танку!

– Ты представляешь, какие это деньги?

– Ну!

– Что ты всё нукаешь?

– Пока не пойму, куда ты клонишь?

– Клоню к простому – мы ни в чём не виноваты – во всём виноват старший лейтенант.

– И что же?

– Как что? Ещё как что! – забубнил под одеялом Дроздов, перевернулся набок, покряхтел, будто маленький домовичок, почесал подбородок по-старчески, словно расчёсывал кудель – всей пятерней, ведя пальцами от кадыка к срезу челюсти. – Ещё как что! – Дроздов не выдержал, поднялся, сел на кровати, свесил ноги, безошибочно попав ступнями в кеды, готовно поставленные у койки с широко распахнутыми и расшнурованными зевами. – Вот он пусть и отвечает, Коренев, а нам за наши страдания положен двухнедельный отпуск.

– Здорово, – прошептал Соломин и, подумав о том, что увидит дом, своих, Нинку Титкову – синеглазую грудастую девчонку из соседнего подъезда, которая поклялась ждать его из Афгана, каким бы он ни приехал, пусть даже без ног, лишь бы только шишку не оторвало, она всегда его примет; сходит на «диско» и с Валеркой Зыряновым, закадычным корешком, которому повезло больше, чем Соломину – он поступил в институт с военной кафедрой и отмазался от армии, – попьёт пива, – вернётся в своё прошлое, которое, как ему казалось, потерял уже на всю жизнь, обретёт «круги своя» и вновь станет человеком. И так захотелось Соломину домой, что хоть криком кричи. Но кричи, не кричи – не докричишься, стучи, не стучи – не достучишься: отпуск ему не положен.

– А или не а? – спросил Дроздов. Всё-таки котелок у него, оказывается, не кашей набит, хотя Соломин считал, что кашей – котелок у Дрозда варил, пофыркивал, пар приподнимал крышку.

– Здорово! – снова восхитился Соломин. Усталость, вроде бы, прошла, мышцы и кости болели уже не так, желание попасть домой было настолько сильно и так зримо, что во рту даже стало тесно от слюны, будто он стоял уже с Валеркой в горсаду, у высокого изящного столика, укрепленного на прочной нержавеющей ножке, держа в одной руке кружку пива с пышным облаком вкусной пены, в другой – вяленую домашнюю воблу, которую отец умел солить и сушить, как бог – он это делал с сахаром, у воблы, чтобы её не раздувало, шильцем прокалывал воздушный пузырь, а когда нанизывал рыбу на верёвку, то каждую воблину смазывал подсолнечным маслом – всю обихаживал ваткой, каждую чешуйку, – и тогда на рыбу ни одна муха не садилась, была она чистой, вкусно блестела и радовала глаз, и главное – не заводилась в ней никакая пакость: разные червячки, личинки, прочие мушковые, тараканы и комариные подарки.

– А или не а?

– А!

– Тогда вставай, пошли к замполиту! – решительно потребовал Дроздов.

– К замполиту? – Соломин поморщился. – Хорошо ли это? Хоть и попали мы в преисподнюю, а выручил нас кто? Кто? Старлей!

– Слюняй! – резко произнёс Дроздов. – Не пойдёшь – не надо! Я пойду один. И тогда ты окажешься подсобником старлея. Я всё равно чист в этом деле! Я спал, меня сонным сдали в плен. Против моей воли! Я здесь ни при чём, – Дроздов пошевелил пальцами ног в просторных кедах и натянул на себя штаны – действовал он спокойно, с чувством, с толком, рассчитывая движения и глядя исподлобья на напарника.

Напарник не ожидал такого нажима, вздрогнул всем телом, тяжёлые, неотмываемые руки, лежавшие поверх одеяла, неожиданно запрыгали, заплясали – они продолжали жить сами по себе, помимо хозяина.

– Ну что ж, – спокойно сказал Дроздов, – Как хочешь! Только не забывай одну вещь – живи, пока живётся! – он помягчил взглядом – круглые совиные глаза сделались почти благоговейными, посмотрел вверх. – А смерть придёт – не до жизни будет. Понял? Когда живёшь – о жизни думай! У нас в доме это главное правило.

– Ладно, – обречённо проговорил Соломин, – я тоже пойду. Но учти, Дрозд, грех берёшь на себя!

– Подумаешь, грех! Да сколько угодно! – в Дроздове не было никаких комплексов, никакой внутренней маяты, он был расчётлив, словно жаждущий человек, выискивающий щелочку, через которую к нему может хлынуть поток из продырявленного бурдюка, хранящего чужое богатство, он увидел светлую полоску, туманно забрезжившую перед ним и решил целиком поместиться на этой полоске, встать на неё двумя ногами, и если уж впереди замаячила перспектива побывать в отпуске, то сделать всё, – отвинтить колеса у родного КамАЗа, в каше сварить дежурного прапорщика вместе с будкой, раз и навсегда покончить с душманами, отравив их этой кашей – ни одного душка в живых Дроздов не оставит, но в отпуск съездит. И того, кто возникнет у него на дороге, сметет.

– Ладно! – с тобой, – подавил короткий всхлип Соломин.

– Правильно! – сказал Дроздов. – А потом, почему старлей не помчался на полусогнутых в штаб, чтобы сообщить о душковском подземелье?

«Вопрос серьёзный», – подумал Соломин.

– Чтобы сегодня и накрыть там хозяев! А или не а?

– Да они через семь минут после нашего отъезда смылись из погреба.

– Не уверен!

«Какой дурак останется там, если знает, что он засвечен? – Соломин подавил новый всхлип, возникший в глотке. – А потом, уже темно, там явно стоят мины. Шерстить подземелье надо только днём, старлей прав. В штаб он не побежал лишь потому, что не разработал

линию поведения, тут ведь слово влево, слово вправо – и всё, виновен! Как в тюрьме. Надо точно знать, что говорить. Да и комбата сейчас в части нет. Он же просил молчать, старлей, и мы пообещали... Как же так? Мы его продаём!»

– Ты чего копаешься? Пошли быстрее! Быстрее ходим – быстрее спать ляжем.

«Ага, быстрее сядем – быстрее выйдем. Всё та же зарешёточная логика. Вот ё-моё!»

– Сейчас, сейчас! – заторопился Соломин.

«Хотя, с другой стороны, старлей, конечно, не прав, что не сообщил об этом сегодня, особенно – о берлоге. О берлоге он должен был сообщить сегодня. В этом его промах».

– Телишься, телишься, – сказал Дроздов, он давно уже был готов, лучисто поблескивал светлыми глазами, выгоревшие бровки разогнал в стороны, не было на его чистом челе ни одной морщины. Никаких комплексов, никакого хлюпанья, никаких сомнений – Дроздов был полноценным человеком и Соломин, сломав в себе остатки сопротивления, покорно оделся, пошёл вслед за Дроздовым к капитану Николаенко.

Капитан Николаенко всё понял с полуслова – недаром он совмещал в себе много обязанностей, служил и по политической части, и по секретной, и по дисциплинарной, сейчас он подумывал о том, как бы сместить комбата – вялого интеллигентного подполковника и сесть на его место. Это обеспечит Николаенко майорские погоны – досрочно, и прыжок вверх, в вытертое продавленное креслице подполковника, которое батальонная канцелярия умудрилась привезти с собою с Большой земли. Кресло – неплохой трамплин, с него сигануть можно и дальше.

– М-да-а, т-товарищи, – удручённо протянул капитан, останавливая быстрый шоколадный взгляд то на одном водителе, то на другом, – ну и нарезали вы колбасы! – Встал. – Молодцы, что пришли, заслуживаете награды!

– Нам бы отпуск, товарищ капитан, – жалобно протянул Дроздов.

– А вы не заметили, у Коренева этого... не было у него с душками вась-вась? Ну, того самого... – Николаенко выставил перед собою руку с растопыренными пальцами, энергично покрутил ею, будто завинчивал какой-то беззвучный, хорошо смазанный вентиль, лицо его наморщилось, – не заметили ль вы, что он был с ними знаком ранее?

Склонив голову набок, Соломин по-птичьему приподнял плечи, нахохлился, потяжелевшим взглядом уставился в пол.

– Заметили бы, товарищ капитан, если бы он с ними не шпыхал по-ихнему, – сказал Дроздов.

– Та-ак, – Николаенко, строгий, тонкий, ловко подпоясанный командирским ремнём, на котором висела кобура с «макаровым», вышел из-за стола и постучал пальцами по крышке. – Это уже более серьёзно, чем просто серьёзно, – капитан почувствовал, что выражается слишком замысловато и, желая сгладить это, снова выставил перед собою руку с растопыренными пальцами, опять покрутил невидимый вентиль – он хотел его повернуть до конца. – Это очень серьёзно, товарищи, это называется изменой нашей социалистической Родине.

– Вот-вот, нам это тоже так кажется, товарищ капитан, – сказал Дроздов.

– Вы здесь ни при чём. Вы – потерпевшие!

«Слава богу», – тускло и безразлично подумал Соломин. Он устал, хотелось поскорее вернуться назад, в модуль, опрокинуться на койку, – коршуном свалиться на неё, как на некую добычу и затихнуть – отключался он мгновенно. Слишком много свалилось на Соломина за один день.

Капитан ещё что-то говорил, но слова не доходили до Соломина, они горстями сыпались в воздух, в стенку, бились о неё горохом, падали вниз, Соломин стоял и думал об одном – как бы не упасть, как бы не заснуть прямо здесь, в походной каптерке властолюбивого капитана, ожесточённо тёр виски, драл глаза, – он едва держался, а капитан не хотел этого замечать – продолжал выступать перед водителями, а потом аккуратно, с лисьей осторожностью начал что-то выспрашивать у Дроздова.

– Что ж, за то, что помогли раскрыть гадкого, преступного человека – нет, не человека, а человечка, пузыря, пустого вредного пузыря – положена награда, – наконец, закончив выпрашивания, сказал капитан, – десять дней отпуска, плюс три дня на дорогу: полтора дня туда, полтора – обратно!

– Служим Советскому Союзу! – чётко, как на плацу, где готовятся парады, принимаются поздравления и объявляются благодарности, отчеканил Дроздов – за двоих отчеканил, за себя и за Соломина. Толкнул локтём напарника.

Тот, очнувшись, покивал головой – он тоже, дескать, служит Советскому Союзу, измученное лицо его осунулось, вместо щёк образовались воронки, взгляд потух – да, собственно, его и не было, умирающий от усталости парень, развернутый внутрь самого себя, спал. Это тронуло капитана. Николаенко потёр руки. Он это дельце крутанёт так, что волны от него побегут до самого Ташкента, до штаба округа. Капитана тронула также преданность усталых рабочих паренёв...

Они могли бы о прохвосте-старлее сообщить завтра утром либо в полдень – выпавшись, вволю назевавшись, належавшись, но нет, долг оказался выше всяких личных удобств – умирая, спотыкаясь на ходу, падая, не различая, где что находится, где свет, а где тьма, где танки, а где машины ремонтников, ребята всё-таки преодолели себя, отыскивали служебный закуток капитана Николаенко, и всё рассказали. Молодцы!

Сквозь сонную одурь перевёрнутым зрением Игорь Соломин увидел, что капитан Николаенко улыбнулся ему – ему, рядовому водиле, драйверу без особых заслуг, и у него отлегло на душе, полегчало – не то ведь желудок, у которого изнанка поменялась с верхом, грозил сам вылезти через глотку, опростаться, на смену боли и нездоровой наполненности пришла щемящая пустота – внутри было пусто, покойно и горько, горечь эта – химическая, будто от плохих лекарств, возникла во рту, захотелось плюнуть себе в ноги, но Соломин не решился – капитан может не так истолковать плевков, подумает, что Соломин корит себя за проданного старлея, а Соломину до старшего лейтенанта уже не было никакого дела – всё заслонил десятидневный отпуск.

Неужели он на десять дней вырвется из этого ада, из затирухи, поставленной на огонь, в которой варится всё – люди, машины, земля, – увидит синеглазую Нинку, потрогает её большую грудь – давно не трогал, выпьет пива с Валеркой, приятно удивит отца своим гвардейским значком, схожим с орденом, отключится, вылезет из мясорубки, а там, глядишь, и война кончится – о выводе войск из Афганистана поговаривают уже давно.

И ничего он больше не чувствовал – ни страха, ни острой слёзной обиды, ни мучений за Коренева. Как сказал Дрозд? «Живи, пока живётся?» Правильно сказал.

А Коренев, усталый, измотанный, плохо вымывшийся – в части не было воды, – спал сном праведника и не слышал шагов двух автоматчиков и офицера, идущих к нему.

Получил он за измену Родине – капитан Николаенко статью определил точно – тринадцать лет, славные героические драйверы получили своё – по десять дней отпуска, и Николаенко тоже получил своё – майорские погоны. Всем сёстрам досталось по серьгам.

Интеллигентный комбат пытался, кстати, защищать Коренева, но защита обернулась против подполковника, убыстрила его отставку – он сдал отдельный танковый батальон майору Николаенко и благополучно отбыл домой. Афганистан для него кончился.

...Всякое бывает и бывало на войне. И такое тоже.

Свободная охота

Марине Заваруевой, а также всем жёнам «афганцев», счастливым и несчастным, посвящается

Генерал был одет в обычную десантную форму – в утеплённый пятнистый комбинезон, в зимнюю плотную тельняшку, давно, кстати, нестиранную, мятую, выглядывавшую из распах комбинезона: полоска синяя чередовалась с полоской белой, а также с серой на ногах – прочные ботинки, сшитые из грубой пупырчатой кожи, поставленные на прочный резиновый ход, с высокими бортиками и чёрными широкими крючками для быстрой шнуровки. Имел генерал красное мужицкое лицо, обваренное ветром, и большие красные руки, знакомые, судя по всему, и с сапёрной лопаткой, и с молотком, и с гранёным стаканом, и, естественно, с шанцевым инструментом, выдаваемым солдату, чтобы удобнее было совладать с консервированной картошкой, – у генерала явно был свой шанцевый «струмент», несолдатский, персональный, может быть, даже серебряный.

Давя ботинками промороженную крошку, генерал прошёлся вдоль строя, цепко лова глазами всё – и главное, и второстепенное, не пропуская ни одного лица, и вообще, ничего не пропуская: мимо него даже муха не могла пролететь незамеченной, – генерал ничего не пропускал, кашлял в огромный кулак и молчал. Строй тоже молчал. Ротный – майор Денисов, стоявший на правом фланге, тяжело поглядывал на заснеженные, присыпанные пороховой копотью горы и ждал, что скажет генерал.

– Значит, так, – отрывисто, хрипло, простуженно произнёс генерал, вытащил из кармана комбинезона большой тёмный платок, трудно высморкался – простужен он был, конечно, капитально. Хворь, она никого не обходит – ни генералов, ни рядовых, – ко всем одинакова. – Значит так, гусары... Не обессудьте, если я вам прочитаю маленькую нотацию. То-есть лекцию. Вы знаете, что для солдата значит вертолёт и вертолётная поддержка, вы знаете, сколь многим мы обязаны офицерам, пилотирующим «Ми-восемь» и «Ми-двадцать четвёртые». Таких машин, как у нас, не имеют, гусары, даже американцы – это прекрасные машины! Но!.. – генерал поднял толстый красный палец и внимательно оглядел строй. – Нет более горючей машины, чем вертолёт, и нет более незащищенной машины, чем вертолёт. Пока у душ... – генерал споткнулся, в свете последних формулировок он не хотел произносить слово «душман», а назвать душков духами не позволяло уважение к слову «дух», поэтому он пошёл по иному лингвистическому пути, – пока у партизан тамошних не было пезеэрка¹ «стингер», мы господствовали в воздухе; как только появились «стингеры», мы, дорогие мои гусары, перестали верховодить – воздух перестал быть нашим.

Строй молчал. Генерал снова прошёлся вдоль него, трубно сморкаясь в тёмный платок.

Старший сержант Ванитов проводил генерала взглядом, ткнул локтем в бок соседа своего, Бессарабова.

– Тёзка, помнишь кавалерийского дедка с лампасами, который приезжал к нам с инспекцией?

Бессарабов едва слышно хмыкнул, наклонил голову, давая понять, что помнит, проговорил в себя, почти не разжимая рта – имелось у него такое свойство:

– Что-то ты, старичок, совсем перестал бояться генералов!

– Отвык!

Генерал уловил шевеление в строю, засёк шёпот – он всё засекал затылком, даже своей спиной, лопатками, и выкрикнул, не оборачиваясь:

¹ ПЗРК – пусковой зенитно-ракетный комплекс

– Р-разговорчики в строю! Тьфу, туристы вы, а не гусары! – сунул платок в комбинезон. Майор Денисов, косясь на генерала, подумал, что там, на Большой земле, заявившись с инспекционной поездкой в какую-нибудь десантную часть, генерал вёл бы себя по-другому, и они бы вели себя тоже по-иному, этот полурасхристанный строй звенел бы, как струна, и сиял бы, словно начищенный перед парадом башмак, а генерал вряд ли бы шаркал по-старчески ногами, вряд ли бы козырял несвежей тельняшкой, вряд ли бы вычищал свой нос в безразмерный бабий платок. Война сдвинула все понятия, все уставные мерки, да и сами уставы скоро будут перелопачены; сядут за них специалисты по кройке и шитью, зачищают ножницами, заскрипят вечными золочеными пёрышками. Им всё равно, они не будут мёрзнуть, как майор Денисов в строю...

Генерал этот прибыл из Кабула с важной миссией.

– Значит так, гусары! Печальная история продолжается. Не буду вам рассказывать детали, но факт остается фактом – мы теряем вертолёты и самолёты. С каждым днём всё больше. Надо срочно взять хотя бы один «стингер», чтобы поковыряться в нём, – генерал сделал замысловатое движение пальцами, словно наматывал на них воздушную нитку, и одновременно каждым ногтем выкручивал по шурупу, – понять, с чем его едят, что за электроника стоит в системе наведения и изобрести свою электронику, поставить «стингеру» стенку. Вчера в ста тридцати километрах от вас были сбиты два «Ми-двадцать четвёртых». В корпусах сбитых вертолётов нашли детали пезеэрка «стингер», значит, «стингеры», гусары, где-то недалеко находятся, они здесь, в этих краях, – генерал хлопнул ладонью о ладонь и ожесточённо потёр руки: запахло жжёным – селитрой, порохом, ещё чем-то острым, раздражающим ноздри. – И последнее, гусары, приятное... Знайте, тот, кто первым захватит «стингер», повесит на грудь звёздочку Героя Советского Союза. Во-от. Это вам обещаю я, генерал-лейтенант... – он назвал свою фамилию, довольно известную в Афганистане, – а генералы, как известно, слов на ветер не бросают! Так что за дело, гусары! Поработать стоит! Завтра – на коней, и в поиск! На свободную охоту! – генерал высморкался на прощание и пошёл к глиняной каптерке, где жарко полыхала печка «полярис», сооружённая ротными умельцами из стреляной гаубичной гильзы.

Денисов поспешил следом. Рота разошлась.

Самая опасная ракета – это американский «стингер». Ещё, может быть, в той же степени опасен английский «блоупайп». Сработаны они по одной схеме, по одной сетке, только скорость разная: «стингер» стремителен, подвижен, агрессивен, «блоупайп» помедлительнее, поигривее, что ли, но лёгчики плачут от этих ракет одинаково – что от одной, что от другой: от них просто не уйти, ракеты повторяют любой маневр пилота – делают «бочки», крутые виражи, срываются в штопор, лихо лезут в гору – они оказываются словно бы верёвкой привязанными к машине. Результат всегда один – прощальный вскрик пилота, взрыв, дымящиеся обломки, падающие с неба, мощный воздушный поток, сгребаяющий всё в кучу, в вал – земля, как перекасти-поле, ползёт по земле; те, кто случайно становится свидетелем гибели машины, бессильно плачут да сжимают кулаки, высасывают из разбитых костяшек кровь – если они хоть чем-нибудь могли помочь пилоту – обязательно подсобили подстраховали...

Нет пока силы, которая могла бы остановить «стингер», заставила бы его свернуть в камни, в скалы, вниз в одеревяневшую землю «стингер», поймав в свой холодный электронный глаз машину, ни за что уже не выпустит её и обязательно догонит: скорость его много выше той, с которой идёт самолёт, и тем более – выше скорости вертолёта.

В каптёрке генерал, кряхтя, сел на скамеечку, вытянул красные пухлые руки к «полярису», погрел вначале ладони, пошевелил пальцами, словно бы проверяя, работают они или нет, выцветшие редкие волосики заискрились золотисто, по-детски, и сам генерал стал походить на ребёнка, на большого старого ребёнка, вот ведь как – и складчатый розовый загривок его был детским, и плешь на круглой голове была детской, и покатые бескостные плечи тоже были детскими – потом повернул к теплу тыльные части рук, закряхтел сладко, зажмурился,

выдавливая из-под ресниц тихие желанные слёзки: генерал был, как и многие воюющие люди, мясным, костяным, нервным, сентиментальным, он часто отмякал, вспоминая прошлое, часто думал о будущем – наступит ведь миг, когда он поселится у себя на даче в Кошкине, станет собственноручно окучивать грядки, выращивать клубнику и огурчики, молодой чеснок для засолки – он знает такой рецепт засолки, какой не знает ни один хваленый кавказец – ох и засольчик! А уж кавказцы – большие доки по части мариновки, засолки, копчения.

– Значит так, майор, – генерал продолжал сладко жмуриться, – в шесть утра бери два «Ми-восьмых», два «Ми-двадцать четвёртых», и – с богом! Понял?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант! – тихо отчеканил Денисов. Генералу что-то не понравилось в его голосе, он вывернул голову и осмотрел майора с головы до ног тускловатым круглым глазом.

– А насчёт Героя – слово моё верное, – сказал он, – так и передай гусарам. Даже не одну звездочку – две дам за первый «стингер». Только возьмите, – в тоне его появились просящие, совсем негенеральские нотки, он вдруг расстроился и махнул рукой, – не то Москва совсем замучила!

С вечера проверили оружие, снаряжение, получили патроны, набили «маслятами» рожки. Когда солдат идёт на задание, больше всего старается взять с собою патронов и воды, даже еды, и той меньше: к еде он делается неожиданно равнодушным, спокойно выкладывает из рюкзака консервы и добавляет патронов, патроны и вода – это жизнь, патронами и водой в бою не разживёшься, никто не поделится, не поднесёт десяток «маслят», когда будешь сдыхать, а вот харчем разжиться можно. Более вкусным и калорийным, чем наш – первосортным американским, английским, голландским, китайским, у душков это дело, надо заметить, поставлено лучше, чем у нас.

Поднялись в темноте, в окна ещё не пролилась ни одна светлая струйка, на улице царилась ночь, но ночь эта очень быстро уступила место утру – рассвет был стремительным, словно бы его кто-то специально подгонял – солнце взялось за облаками, но на землю не проникло – облачная вата была плотной, не пробить её ни светом, ни ветром. В сереньком сумраке выбрались из дощаника на улицу и совсем небоевой – усталой заморенной трусцой, будто уже побывали на задании, потянулись к вертолётам.

Свободная охота, так свободная охота. Но где же могут сидеть душки со своими чёртовыми пезеэрка? Не в орлиных же гнездах на манер птенцов, которых кормят эти голошеие гордые уроды, отличающиеся необыкновенной злостью, прожорливостью, глупостью, широкими крыльями и крайне строптивым неуступчивым характером – скорее всего на трассах, где ходят самолёты! Сбить самолёт – это ведь такая лакомая штука, за это кассир в зелёной чалме, сидящий где-нибудь в Пешаваре за железной заплочкой на мешке с валютой, отваливает такие денежки, что даже у нескромного, привыкшего к салу и золоту человека от удивления лезут на лоб глаза. В июне душки сбили «стингером» афганский самолёт, он рассыпался в воздухе и пылевым облаком рухнул на землю. Душманы думали, что из людей никто не останется в живых, но в живых остались двое – изуродованный пилот и маленькая девочка, которую резиновым мячиком выбросило в сорванную дверь и опустило на землю неподалеку от жарко пылающих обломков. Денисов видел спасшегося пилота – страшно было смотреть.

Он сглотнул сухой, неприятно шершавый комок, образовавшийся во рту, сунул в губы пряную лепешку – мятный холодный квадратик, трофейный, американский, взятый на потайном горном складе, оглядел своих ребят и подбадривающе подмигнул:

– Не дрейфь, гусары! – ну будто бы был давешним генералом. Майор не выдержал и добавил: – За нами – Россия!

Насчёт России Денисов, конечно, был неправ, никакая Россия за ними не стояла, здесь, у чёрта на куличках, на границе с Пакистаном, они никак не могли защитить заснеженные просторы своей родины, но слишком уж точно он скопировал генерала, простудно шмыгнул

носом, расправил воротник, показывая, какая у него тельняшка, и «гусары» не выдержали, засмеялись.

Нутро вертолѐта, в которое забрался Денисов, было стылым, на расчалках образовался иней, за железо нельзя было взяться – прилипали, как на Севере, пальцы, хотя ночной морозец был ласковым, аккуратным, совсем не северным, холодил кожу и зубы, но вреда не причинял, но вот железо вбирало в себя холод, накапливало его, аккумулировало – ох и нерусское же слово! – и всякий раз готово было шибануть по живому телу током. Ванитов с Бессарабовым расположились недалеко от майора, по-ребячьи втянули головы в воротники, стараясь побыстрее надышать в комбинезоны тепла, оказаться в некоем влажном коконе, который тепло, к сожалению, долго держать не сможет. Поймав взгляд Денисова, Ванитов освободился от воротника, поднял голову идохнул серым тёплым паром:

– Товарищ майор, пора, наверное!

– Сей секунд, гусары! – готовно отозвался майор, словно не он был начальником у десантников, а десантники у него, десантники засмеялись, но смеха их Денисов не услышал – вертолѐт захохотал, затрясся, на зубах возник невольный зуд, тяжѐлый, хлопающий звук вдавил барабанные перепонки внутрь – командир вертолѐта запустил машину.

Через несколько секунд они взлетели – мотор «вертушки» к приходу десантников был прогрет, прослушан, выверен, баки заправлены под пробку – лѐтчики встали на час раньше десантников.

Едва поднялись, как увидели нежную дорожную розовину, словно бы изнутри проступившую на макушках гор, – это был призрак, ответ солнца, свалившегося на дочь куда-то в ущелье, в гибельную пустоту, переспавшего там и теперь оттуда, из низов пославшего прощальный лучик горам, людям, земле, всему живому, что тосковало без светила, впадало в печаль и в горечь.

– Тѐзка, а того генерала ты хорошо помнишь? – толкнул Ванитов Бессарабова, Бессарабов качнулся, прижал руку к воротнику, умиряя зуд, плясавший на зубах.

– Конечно. А что?

– Фу, маркиз, вопросом на вопрос! Как в Одессе!

Нежная розовина косо свалилась под колѐса вертолѐта, нырнула, будто намыленная, куда-то под брюхо, Ванитов вдавился спиной в вертолѐтную стенку, поморщился – ребристая железная распорка больно втиснулась в хребет, а оторваться от стенки не было сил – вертолѐт закладывал такой глубокий вираж, что лѐтчикам, работающим дома, на родине, такие виражи и не снятся, их просто нет в технических данных, – машина шла по окружности вниз, винтом к земле, а ободранными пуговицами колѐс кверху, в следующий миг вертолѐт сделал гимнастический кувырок, выпрямился и пошѐл мерять лопастями пространство: полетели низко, споро, поэтому показалось, что земля излишне убыстренно стала уноситься назад, куда-то в прошлое, в беспечное вчера, в неги, – а возврата оттуда, как известно, нет. Внизу живота возник холодный колючий пузырь, поднялся, ткнулся холодным крохотным бочком в сердце и лопнул; Ванитов поморщился – было больно.

– Нет, Валер, тот инспектор-генерал был действительно выдающейся личностью! – он снова ткнул в бок Бессарабова: ему надо было отвлечься, забыться, нырнуть в прошлое и хотя бы минут на десять задержаться в нём, но ничего у Ванитова не получилось!

И у Бессарабова не получилось – он хотел вздремнуть, доспать недоспанное, досмотреть недосмотренное – раз кино нет, так хоть пусть будут сны, ан нет, и у Денисова не получилось, – он мрачно поглядывал на скалы, притискивал лицо к аккуратному кругляшу иллюминатора, пластмассовый холодом его остужал кожу на лице и гадал, где же могут быть эти чѐртовы «стингеры»? Бьют ими душки каждый день, а шурави ни одного ПЗРК не могут взять. А скалы эти – добычливые, тут душки появляются каждый день – именно над этими скалами проходит воздушная трасса из Кабула в Кандагар.

– Действительно, тот генерал был выдающейся личностью. Я хорошо помню того генерала, – Бессарабов закрыл глаза, сказал приятелю: – Слушай, я такой сладкий сон ухватил за хвост...

Генерал генералу – рознь. Например, вчерашний краснолицый генерал-лейтенант с простудой, уже неотделимой от него, как красные лампы, и тот сухонький остроносый старичок с добрыми влажными глазками, прибывший из Москвы с важным секретным заданием – небо и земля. Московский старичок разрабатывал разные транспортные новинки для армии – он задавался, например, вопросом, можно ли для подноски снарядов использовать овец, а для доставки гаубиц на тяжёлые горные перевалы – выносливых афганских ослов либо поручить роль почтарей здешним воронам – для срочных донесений, – задавался теориями лис, кузнечиков и мышей, которые могли бы портить «стингеры», орлов приспособлял к переброске полевых кухонь, и так далее.

Старичок-генерал был настолько одержан своими идеями, что даже не вызывал улыбки – он был уверен, что в будущих войнах можно победить только за счёт сообразительности, за счёт разных транспортных новинок, на которые великие полководцы прошлого ещё не обратили внимания, за счёт кузнечиков и мышей.

Прибыв в десантную часть, где служили Ванитов с Бессарабовым, бравый старикан первым делом предложил показать ему среднего солдата – не самого сильного, не самого выносливого, но и не самого слабого – именно среднего.

Раз этого требовал генерал, значит, так и надо было – ему показали солдатика с полной экипировкой. У бедного паренька от тяжести на шее вздулись жилы, как у старого деда, натуженное лицо сделалось багровым. Солдатик этот был готов отправиться в поход – в руках он держал две восьмидесятидвухмиллиметровые мины, сзади, на спине у него плоско «сидел» ящик с боеприпасами для пулемёта, на поясе висели четыре фляги с водой, рядом с ними с чугунным стуком толкались друг в друга четыре гранаты – две лимонки и две «наступательных», с длинными ручками, в лифчик, повешенный поверх бронежилета, было всажено пять набитых под корешок патронами автоматных рожков. Тело прикрывал бронежилет, родной, отечественный – тринадцать килограммов чистого веса. Когда ребята ходят на задания, то среди трофеев обязательно ищут американские бронежилеты, облегчённые, укороченные, шестикилограммовые, взять такой бронежилет в бою – настоящая воинская удача, как, впрочем, и удобный душманский лифчик, который много лучше нашего, уставного, утверждённого высоким начальством, но очень непрочного и неудобного, и ботинки душковские, мягкие, с высокими эластичными бортами. Так, воюя, солдат целиком заменяет на себе штатное обмундирование – можно сказать, всё, кроме панамы и погон.

Что ещё имелось у того среднего солдатика? Автомат АКС – десантный «калашников» со складывающимся прикладом, облегчённый, еда на трое суток – три «суткодачи», спальный мешок, в который свободно влезали «жигули», подлежащий замене за счёт поставок с душманских складов, и фотография любимой девушки – всего около ста килограммов.

Десантник, когда идёт на задание, движется параллельно земле, на согнутых – чуть ли не на карачках; когда он направляется к вертолёту, у него бывает одна только цель – быстрее добежать до машины и рухнуть на ребристый горячий пол.

Плюс жара ещё добавляет своё: бронежилет раскаляется так, что десантник запекается в нём живьем, от тепловых ударов наземь валятся такие громалы, что один их вид вызывает удивление – ну и здоровы могут вырасти ребята! – а эти ребята прелые внутри, со слабиной, вареные. Через три-четыре месяца службы любой, даже самый прочный сундук сваривается, а сваренный он бывает очень уязвим – подвержен любой инфекции, любой заразе, с ног его сбивает даже насморк, грипп немедленно переходит в туберкулёз, рядовая простуда – в двухкрупозное воспаление легких.

Посмотрел старичок-генерал на бравого десантника со вздувшимися жилами, походил кругами, ковырнул пальцем коробку с патронами, приспособленную к спине:

– Тяжело, сынок?

А тот и отвечать не может – тяжестью голос придавило. Да и что ответить древнему инспектору, ходившему ещё под штандартами Кутузова?

Генерал оставил в части инструкцию по использованию ослов на тяжёлых работах и отбыл.

Десантники, внимательно прочитав инструкцию, повесили её на гвоздь в одном месте и, забыв о добром дряхлом генерале, зажили по-старому. Если кто-то из новичков, попавших к ним, давая слаbinу, говорил, что не тянет, его в десанниках не держали – переводили служить в другую часть, иногда даже на Большую землю – подальше от афганских гор и долин.

– Внимание... внимание! – неожиданно раздался голос Денисова – майор с трудом перекричал грохот вертолётa. – Все – внимание!

Внизу по узкой, хорошо обдутой ветром и так же хорошо обработанной солнцем долинке шла группа мотоциклов. Дороги не было, долинка ровно поблескивала твёрдым полем, она была укатана, как асфальт – на скорости можно было идти в любую сторону без риска споткнуться о крутой взгорбок или ухнуть в яму, закувыркаться, ломая технику, а заодно и ноги себе, мотоциклы, развернувшись веером, неслись под вертолётaми, взбивая радужную крупку.

Мотоциклы были сильные, в большинстве своём, надо полагать, немецкие либо японские – Денисов знал всё о «харлеях» и «хондах», понимал, что эти «звери» могут ходить даже по вертикальным стенам, и цена их часто бывает выше цены за хорошую машину: купить такого «зверя» может только богатый человек. Мотоциклисты были одеты в ватники, в стёганные халаты, утеплены, чтобы не поморозиться – на горном холоде можно запросто сдохнуть, хотя температура, в общем-то, не очень низкая – воздух хрустальный, с тонким сыпучим звоном, но и этих градусов – плюс хрустальная чистота – хватает, чтобы человека обратить в костяшку.

«Кто это? – гадал Денисов, притиснувшись лицом к желтоватому исцарапанному плексиглазу иллюминатора – наши или не наши, отряд самообороны какого-нибудь кишлака или душманы? Поди разбери! Оружие, вроде бы, наше – «калашниковы», на халатах никаких нашивок, даже алых полосочек, указывающих на принадлежность к партии – кишлачные партийцы часто пришивают к одежде красные метки, да и с другой стороны – эти дорогие мотоциклы вряд ли могут быть в отрядах самообороны! Ну какой кишлак может позволить себе такую роскошь? У Денисова недовольно задёргался кончик уса – как и многие афганцы, майор тоже отрастил себе усы, чтобы не выделяться. – А вдруг у кишлака – прямая связь с Японией? Так кто это – отряд самообороны или душманы?»

Не найдя ответа на этот вопрос, Денисов решил не проверять мотоциклетный веер – движется себе и пусть движется, пусть пылит, у Денисова другая задача: найти хотя бы одно гнездо со «стингером» вместо яичка, хотя бы один захудалый склад с «осиным жалом», больше не нужно. Кончик уса продолжал дёргаться, Денисов примял его пальцами, подумал, что нервы совсем стали ни к черту.

Склады они находили и раньше – несколько раз, – десять дней назад был обнаружен один такой склад, в сухом каменном мешке с заминированным входом; среди мин, гранат и патронов десантники обнаружили ящик на защипках, предназначенный для хранения и перевозки «стингера», две пусковые трубы, уже использованные, а также севшую на нуль батарею, которая поддерживала в ящике температурный режим, влажность и так далее – всё было на складе, всё, кроме самих ракет – ракетами только пахло – остался химический маслянистый дух их, и всё...

Приподнявшись, Денисов перегнулся через дюралевую лесенку, положенную у входа в пилотский отсек, – лесенка лежала поперёк и перегораживала вход, – махнул рукой командиру вертолётa.

– Идём дальше!

Командир поднял руку в чёрной кожаной перчатке – понял, мол, – подался к рукояти шаг-газ – движение это предопределяло дальнейшее движение машины, лопасти залязгали, захлопали гулко, выбивая в костях и в мышцах дрожь, но рвануться к засиненному, с розовой верхней закраиной, срезу гор машина не успела – снизу, с мотоциклов, ударила широкая пенная струя, плоско разрежала воздух и опытный командир – он много летал в Афганистане, это и спасло вертолёт, – молниеносно швырнул машину вниз, совершенно не заботясь о том, что станет с десантом и с ним самим, – плевать, что у всех желудки вылезут через глотку, потом резко бросил её в сторону, совсем близко промахнул мимо обледенелых коричневых камней, и когда совсем рядом с собою увидел длинный острый пламенёк танковой ракеты, пущенной с мотоцикла по вертолёту, закричал торжествующе, бессвязно, громко – понял, что спасся сам и спас машину. Все услышали крик командира, но никто не понял, что он прокричал. Через несколько секунд – прошло всего полторы секунды, впрочем, эти полторы секунды растянулись донельзя, они были длинными, тоскливыми, пугающими, вспышка огня багровым отблеском легла на лица людей – ракета взорвалась в скалах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.